

S-T-I-K-S. Змей

Автор:

Валерий Старский

S-T-I-K-S. Змей

Валерий Старский

S-T-I-K-SМиры Артёма Каменистого

Что может быть сильнее и коварней случайности? Пожалуй, разве что только цепь случайностей, а это и вовсе штука опасная. Вот ты боевой пловец, через кровь и пот почти достиг совершенства, случайность и ты в инвалидной коляске и вся привычная жизнь, будто ластиком стерлась. Хочешь уйти из жизни, даже не пробуй, тебя ведь ожидает следующая случайность, вуаля, и ты уже в засекреченном бункере, доброволец подопытный, вместе с лабораторными крысами. Казалось бы, ну все, хватит, а нет, цепь есть цепь, надели – неси. И здравствуй, Новый Мир Стикс! Сможет ли Михаил Войнов с обездвиженными ногами, по прозвищу Змей, разорвать эту цепь и стать палачом мессией в этом мире, это знает только Стикс и возможно Пифия с мыса бакенов.

Содержит нецензурную брань.

Валерий Старский

Змей

Миры Артёма Каменистого. S – T – I – K – S

Предисловие

Удача дева переменчивая, вот она с тобой, и вроде бы уже по привычке держать красавицу под руку или за какое другое место, а нет, знай, друг, товарищ – господин Облом Обломище и вся его похоронная команда всегда где – то рядом, и не стоит расслабляться.

Ночь очередной спецоперации выдалась даже лучше прогнозируемой. Шторма в южных морях бывают такие, будто находишься в гигантском миксере, – настоящий кайф для прирожденного воина или валькирии.

Вертушку трясло и болтало на пределе отказа техники. Внутри, в темноте, периодически озаряемой вспышками молний, в полном боевом оснащении довольно скалились боевые пловцы: как же, впереди почти джакузи, теплые воды Персидского залива, это тебе не Балтика.

Замигал оранжевый плафон. Тут же из распахнувшейся двери пилотской вынырнул, как черт из табакерки, выпускающий и во всю силу своей иерихонской трубы заорал, сотрясая пространство:

– Подобрались, Перуновы отродья! Пошли! Пошли!

И они выстрелили собою в бушующую бездну.

Одному, с позывным Оружейник, не повезло, на глубине его встретила скала. Братья по оружию и крови не бросили, а зря. Он бы предпочел выстрел.

Глава 1. Мишень под землей

Санкт – Петербург, адмиралтейство, кабинет последнего морского министра Российской империи, Ивана Григоровича

Как и положено, в кабинете высокого морского чина пахло хорошим табаком и под стать отменным ромом. Компания в таком – то месте собралась необычная: несколько высших офицеров ВМФ России и столько же в гражданском, в приличных костюмах, при галстуках. И невооруженным глазом было заметно: свою одежду сидевшие напротив офицеров носить не умели, не сидело цивильное на них, и все тут. Этим ребятам скорее подошла бы привычная для них одежда: джинсы, кроссовки, свитер – универсальная одежда для молодых ученых.

Вошел адмирал. Все встали. Адмирал на ходу жестом указал садиться.

– Предлагаю без официоза, времени нет, совсем нет. Сергей Павлович, докладывай.

Внушительный боевой офицер в чине капитана первого ранга кивнул и доложил:

– Объект 02342[1 - Ноль два триста сорок два.] завершен и готов к испытанию, планируем ко Дню морской пехоты, к двадцать седьмому ноября. Осталось утвердить вахтенного на автономку.

– Кандидаты?

Батин Сергей Павлович, которого все звали Батя, уверенно выложил на стол дело.

Адмирал удивленно приподнял брови:

– Один?

– Так точно, Виктор Викторович, один. Ручаюсь за него, блестящий боевой офицер, капитан третьего ранга, специалист по стрелковому вооружению, – отчитался Батя, с небольшой заминкой дополнив: – Лучший специалист, допуск по секретности полный. Присутствующие офицеры с кандидатурой соискателя согласны, с научным отделом Минатома, – мужчина кивнул на сидевших напротив гражданских, – также все согласовано.

– Оружейник? – хмуро смотря в глаза подчиненному, спросил адмирал.

– Так точно, – ответил Батин и скрипнул зубами.

– Не скрипи зубами, не скрипи, черт морской. Как он?

– Держится.

Адмиралу вдруг вспомнилось, как его в первый раз жизнь столкнула с Оружейником. Они тогда болтались в Атлантическом, как же, совместные учения с НАТО. По окончании к ним на флагман напросилась целая толпа натовских офицеров, чтобы отметить успешное завершение.

«Ага, отметить, жалом поводить, нос свой лисий куда не следует сунуть», – усмехнулся про себя Виктор Викторович.

Суть да дело, за столом зацепились за стрелковое оружие, мол, все у русских хорошо, а вот снайперское оснащение дерьмо. Провокация чистой воды, и ведь повелись. Итальянцы тогда быстро все организовали, демонстративно две бутылки из – под шампанского за борт, с катера подняли снайперку и спеца – заранее подготовились, заразы. Бутылки, покачивающие золотыми головками, уже прилично отнесло течением. Надо сказать, стрелять с палубы – то еще искусство, качка меткости не прибавляет. Итальянский стрелок метился долго, выстрел, второй – попал. Все кричали, хлопали в ладоши, а вот и подход. Один из офицеров нагло так, с поддевкой сказал:

– Если из ваших кто – то с пяти выстрелов попадет, с нас ящик лучшего шампанского.

Адмирал снова улыбнулся, досконально все вспомнилось: тепло, чайки кричат, пахнет океаном, и слащаво – ехидные лица партнеров задевают самолюбие.

– Батин, что делать будем?

Оказалось, Батя уже подсуетился. К нему по палубе чеканным шагом подошел спецназовец со снайперской винтовкой за плечами и доложил по всей форме.

– Ладно – ладно, сынок, можешь вот ту золотоглавую подстрелить?

– Есть, – ответил лейтенант, выстрелил навскидку, без всякой подготовки, и попал. – Разрешите идти?

– Идите.

Надо было видеть, как корежило в улыбках натовских засранцев, а ящик тогда они все же выставили, хоть это по – честному...

А теперь вот личное дело на столе – Войнов Михаил Валентинович.

«Эх, Михаил... Не повезло тебе, Миша», – покачал головой Виктор Викторович и хлопнул рукой по папке.

– Добро, утверждаю.

Когда же адмирал отбыл, Батя, присев, перевел дух.

– Получилось.

* * *

Красногорск, 3 ЦВКГ им. А. А. Вишневого минобороны России

Тихая звездная ночь, длинный переход между корпусами, у огромного панорамного окна с видом на заснеженные деревья и ночное небо одиноко притулилась инвалидная коляска, в ней мужчина лет тридцати. Лицо волевое, скорее суровое, с легкой щетиной, его можно было бы назвать привлекательным или даже красивым, если бы не характерная больничная бледность и неутешительное клеймо параплегии[2 - Паралич обеих конечностей.].

Когда маешься несколько лет по госпиталям, рано или поздно приходит время подводить итог, а он, этот итог, мягко говоря, неутешительный. Все, что ниже двенадцатого ребра, уже не при делах, окончательно и бесповоротно, и даже в высшей инстанции обжалованию не подлежит.

Пять лет, целых пять лет он терпел, не давая себе слабину. Меж операций и реабилитаций Оружейник со свойственным спецназовцу неистовством до рвотных позывов тренировал, истязал и истязал то, что двигалось и жило еще в его теле. Так или иначе, его неистовое желание встать на ноги ни к чему не привело, разве что он научился самостоятельно испражняться и еще кое – каким другим суровым хитrostям спинальников.

Врачи очень хвалили и утверждали, что он уникал – за столь короткий срок столько достиг, хотя Миху похвала не очень – то бодрила, скорее даже злила.

Жизнь же за этими многострадальными стенами шла, бежала своим чередом. Теплые ливни сменялись холодными белыми мухами, и по кругу, по кругу. Сначала перестала в его палате появляться жена, следом реальная жизнь, будто кислотой, вытравив по очереди друзей и знакомых, а потом и знакомых знакомых, а родственников у Михаила и вовсе не было, какие родичи могут быть у ораниенбаумской сироты. В один из дней и телефон предал, умолк и, похоже, навсегда, будто ему безвозвратно электронный язык вырезали. Тот, кого когда – то называли Оружейником, никого не осуждал – у всех своя жизнь, и для того чтобы выжить, нужно движение, обездвиженные первыми сходят с дистанции благополучия, он же теперь тормоз, и на фиг никому не нужен в таком – то стремительном мире. Колясочник провел пальцами по влажному стеклу и тихо сказал:

– Битва проиграна, что ж, нужно дернуть за это, жаль, из гостей только звезды. – Ладонь воина прижалась к стеклу, за которым на небе мерцали мириады огоньков. – Сколько же я не пробовал серьезный алкоголь? – спросил Михаил в тишине и тут же заключил: – Столько не живут.

Сидящий в коляске мужчина вынул из – за пазухи граненый (как же без него, ритуал, как – никак!) и два флакона с медицинским спиртом – подгон от белых ангелов. Девчонок – сестричек он всегда защищал, даже теперь. К сожалению, похотливых имбецилов, считавших себя вправе по любому поводу, всегда и везде предлагать свои поношенные причиндалы как какое – то благо, всегда в достатке. Миху еще уважали и старались не идти супротив отмороженного спецназовца, на лице которого нет – нет да и проявлялась в моменты раздражения маска бешеного, несломленного берсерка. Настоящий хищник даже с перебитым позвоночником остается опасным.

Михаил открыл флакон, вылил огненное пойло в стакан, полюбовался жидкостью. Сделал несколько подготовительных вдохов – выдохов. Задержал дыхание на половине выдоха, выпил, затем медленно вдохнул носом, выдохнул, еще немного подышал носом, пока не перестало жечь в пищеводе.

– Хорошо – то как! – расслабившись и успокоившись, выдохнул Оружейник.

Он еще долго смотрел на звезды, а звезды смотрели на него. Почему – то Войнов больше всего с детства любил смотреть на Большую и Малую Медведиц, нравились они ему, и все тут, опять же, кто в России не любит медведей – символ как – никак.

– Привет, Медведи, куда идете?

– Домой, – ответили они, – и тебе пора, – и продолжили свой извечный путь.

– Верно, похоже, и мне пора.

Светало. Миха вынул длинный железный штырь, лично заточенный втихаря о кафель и хотел было вогнать успокоитель в грудь, когда оглушительно заголосил телефон.

– Привет, солдат, – рявкнул до боли знакомый голос.

– Здравия желаю, товарищ капитан первого ранга, – как можно бодрее ответил Миха.

– Как ты?

– Безделье подчистую сожрало, даже ногтей не оставило, Батя.

– Представляю, у меня тут рядом, в Сосновом Бору, стрелковый клуб образовался, хороший тир, и все такое. Приглашаю, пожжем боезапас маленько, пусть люди полюбуются на заоблачную вышину. Покажешь свой класс желторотым птенцам. Да и дело у меня к тебе есть, рассчитываю, и не только я. Оружейник, если честно, ты позарез нужен. Хватит там прохлаждаться да сестричек щупать, делом нужно заниматься.

– Да я...

Его бесцеремонно прервали:

– Отставить плач Ярославны! Все ты можешь, призвание и навыки не пропить и не потерять, это уже в крови. Надеюсь, наши эскулапы еще не всю кровь из тебя выпили?

– Да нет, этого добра еще навалом осталось, Батя.

– Вот и я говорю. Ну, не томи, устрою, как в «Хилтоне».

– Согласен, – сквозь сжатые зубы выдавил Михаил, едва сдерживаясь. По его суровому лицу текли слезы, беззвучно, как и подобает снайперу.

В Пулково его встречал сам Батя, увидев, прищурился, пригляделся и заявил:

– Зато руки как нужно прокачал.

– Здорово, Бать!

– Здорово, Оружейник! – Обнялись как смогли. – На Ваську к тебе заглянем? Жена, друзья?

Оружейник отрицательно покачал головой.

– Все ластиком стерлись.

Трешку на Васильевском острове он давно приобрел, да вот обжить как – то не сподобился, что там, на обои смотреть, что ли.

– Понял, – буркнул понятливый полковник.

До Соснового Бора доехали быстро, остановились только в Ораниенбауме, Оружейник попросил переехать железнодорожный переезд, тот, что у железнодорожного вокзала, и проехаться по Угольной стенке, всласть подышать родным воздухом Рамбова да на Финский с Кронштадтом полюбоваться. На пограничном посту в Лебяжьем их машину даже не тормознули, здесь знали Батю.

Тир под вывеской «Мишень» откровенно разочаровал. Да, чистенько, в фойе на ресепшене девочка красивая, да, все функционально, современное антирикошетное покрытие, отличная освещенность, оружейное разнообразие, двадцатипятиметровая галерея, стояли стрелковые столы, упоры с оптикой отслеживания выстрела. На втором этаже – галерея пятидесяти метров в длину. Но все это как – то по – граждански, да и непривычной суеты у стрелкового барьера было чрезмерно много. В тире находились сразу несколько молодежных компаний.

Двое парней, видимо, вдохновившись реконструкцией Великой Отечественной, бессмысленно жгли боеприпас из ППШ. На крайней дорожке задорно смеялись яркие девушки, вызывающе одетые явно не для тира, судя по всему, забавлялись девяносто второй «Береттой». Инструктор, слегка седой мужчина, похоже, потерял контроль, скорее всего, сейчас больше думая не о калибре 9х19 и пятнадцати патронах в магазине «Беретты», а о выставленных напоказ параметрах 90-60-90. Нет, нарушений стрелкового кодекса Оружейник не заметил, просто армейская привычка – вторая натура, и хаоса она не терпела, однако сказать что – либо Войнов не осмелился.

Офицеры снова спустились на первый этаж и проследовали через ресепшен влево. Попали в непонятно куда идущий узкий коридор с низкими потолками, будто вырубленный в массиве бетона. Он заканчивался узкой, подозрительно добротной стальной дверью, ведущей то ли в бывшую щитовую, то ли в подсобку уборщика. Внутри на полу лежал желто – грязный обшарпанный кафель с прорехами, по центру стояли две древние спортивные лавки, а по периметру – старые, ржавого цвета упадка и запустенья шкафчики с номерами, нанесенными когда – то белой краской. Батя, не смущаясь, заскрипел створками одного из раритетных шкафчиков, на удивление достав оттуда два стакана и на первый взгляд настоящий «Бакарди».

– За встречу и наших по капле. Не против?

– Давай. Морские демоны при встрече завсегда ромом своих поминают, – осипшим голосом обмолвился Миха.

Полковник помолчал, скрипнул зубами и слегка ударил кулаком в плечо бывшего подчиненного:

– Все будет путем, Оружейник. – Разлили, не чокаясь, накатили. – Здесь поговорим?

Михаил кивнул.

– Что скажешь про объект?

– Батя, без обид, тир хороший, и это пистолетный тир, но настоящие игрушки здесь использовать – баловство одно, сотка нужна хотя бы. Кто ты здесь, Батя?

Капитан первого ранга пожал плечами:

– Никто, рядовой член клуба. Тимур Вячеславович директор «Мишени», сосед мой, дружим.

– Ясно, темнишь ты, Батя. Сидим в какой – то бичарне, с дверью, на которую пластид тратить жаль, думаю, и килограмма мало будет.

Старший по званию заулыбался:

– Глаз – алмаз, моя школа. С дверью согласен, упущение, исправим, завтра же закамуфлируем под щитовую, «осторожно – убьет», и все такое. На вот, подпиши о неразглашении.

Оружейник прямо на подлокотнике инвалидной коляски, не читая, подмахнул. Батя, довольный, встал, поставив свой бокал на скамейку, подлил собеседнику, подмигнул:

– Теперь можно и серьезно поговорить. Ты прав в своих выводах, тир – это лишь прикрытие. Прежде чем предложить тебе службу, от которой ты вряд ли откажешься, расскажу небольшую предысторию, чтобы тебе понять, что тут и

как тут.

Когда – то коллективы атомных станций СССР активно соревновались между собой – бокс, биатлон, тяжелая атлетика, стендовая стрельба и еще много чего, и уж поверь мне, это были настоящие баталии, кровь и пот, по телевизору такого не покажут. В 1990 году ЛАЭС стала фактически чемпионом СССР. Такие результаты были достигнуты благодаря СТК «Нейтрон», тир – это тоже «Нейтрон», кстати, стрелок Владимир Гончаров, пятикратный чемпион Европы – воспитанник этого тира. К середине девяностых все здесь ушло под нож по примеру страны.

С 1979 по 1981 на ЛАЭС вводили в эксплуатацию третий и четвертый энергоблоки, стройка была грандиозной, в это же время начал строиться и «Нейтрон», тогда еще здесь не было тира, только огороженная и с хорошей охраной воинская часть 02342 и якобы отстойник цементовозов для работы на ЛАЭС. На самом деле здесь строили секретный объект с таким же кодовым именем 02342. Суть проста: на глубине трехсот метров из стали и бетона создавали кокон с внутренним объемом, сравнимым с будущими перспективными субмаринами, для обкатки новых технологий и систем. В три смены трудились лучшие специалисты, потом, когда здесь уже стоял тир, втихаря, вахтовым методом работали, но в 1991 году 02342 и вовсе заморозили, законсервировав.

В стране бардак, предатели у власти, да ты и сам все знаешь, и только года три назад в одной из неназываемых лабораторий Минатома произошел, как утверждает руководитель, настоящий прорыв в будущее. Вот тогда о подземной субмарине вспомнили. Там, – Батя указал пальцем вниз, – все уже готово. Испытания начнутся двадцать седьмого ноября, объекту предстоит год автономки. Нужен бессменный вахтенный.

– Я? – спросил с надрывом Михаил.

– Ты.

– Батя.... ты... – Горло офицера сдавило, он не смог сдержать слезы. Полковник обнял одного из своих сынов и лучшего, как он считал, воина, участливо протянул стакан с ромом. – Ты меня просто спас, опять спас, Батя.

– На, глотни бальзаму и не думай, что будет просто, отстреливать придется много, но ты это любишь.

– Как отстреливать? Зачем? – удивился враз успокоившийся Оружейник.

– Да все просто, поскольку это прорыв в технологиях, объект засекретили в лучших традициях отцов и дедов. Полноценный экипаж – это больше ста человек. Так?

– Так, – согласился Михаил.

– Кто ж на такое пойдет при такой – то секретности, и где взять столько толковых людей с нужным доступом, да еще довести их до приемлемого уровня слаженности? Да и чего греха таить, с денежными знаками сейчас, сам знаешь, дыра черная. Думали – думали и решили действовать нестандартно и, по – моему, по – военному изящно. Совместили концепцию подводной лодки и стрелковой галереи – тот еще симбиоз. На первый взгляд идея кажется безумной, но только на первый. Стрелок в этой идее центральная фигура, а его задача на галерее – пороховые газы в загерметизированном коконе, которые станут едва ли не большим раздражителем для регенерации воздуха, чем жизнедеятельность сотни человек. С атомной силовой установкой оказалось еще проще, все данные вывели на пультах вовне, где – то на территории ЛАЭС, за тобой только наблюдение и доклады о твоём самочувствии. Как тебе?

– Фантастика! – восторженно ответил Оружейник.

– Вот и я говорю. Правда, к твоим обязанностям есть небольшое, но хлопотное обременение, винюсь, и сам до последнего не знал. Испытательница у тебя будет на попечении, маленькая блондинка, красивая, и главное, молчунья, – и Батя заржал. Люди так не смеются, этак только лошади могут, ну а Батя, Батя – исключение из рода человеческого. – Да – а – а... Вахтенный капитан, видел бы ты свое перекошенное лицо, будто касторку с ромом перепутал. Да не трясись ты так, сейчас покажу тебе красавицу четырехлапую. – Полковник опять заскрипел ржавыми створками уже углового ящика и достал клетку, поставив ее на лавку. – Знакомься, твоя подопечная.

В клетке сидела странная бедная крыса, большая, белая, с нехарактерными ломаными мазками серого цвета, больше смахивающими на камуфляж. Почему

странная и бедная? Да потому что выглядел этот зверек от вживленных датчиков и пупырышек выведенных антенн, как инопланетянин.

К клетке крепилась двусторонняя прозрачная табличка из оргстекла, где на вложенной разлинованной белой картонке было написано: «Лабораторная крыса Тигра». Слово «лабораторная» было жирно перечеркнуто, сверху подписано «судовая», а снизу той же рукой выписано: «Принята на полное довольствие в качестве юнги. Кормить, любить, жаловать, по возможности воспитывать». В верхнем правом углу этого мини – паспорта красовалось: «Утверждено капитаном первого ранга БФ, Батиным Сергеем Павловичем». Ниже – подпись.

– На такую подругу я согласен, – заявил Оружейник, смотря на крысу. – Мы с тобой одной крови, Тигра. Оба мы подопытные.

Та встала на задние лапы, заводила головой из стороны в сторону, принюхиваясь к запаху человека, смотрящего на нее, и звонко пискнула – типа ответила.

– Ну вот и познакомились, хорошо. Пора отправляться к месту службы, берем мелкую – и вперед.

Батя подошел к чугунной, выдавшей виды батарее и повернул по часовой стрелке заглушку. Противоположная стена вместе со шкафчиками совершенно без шума вдавилась и ушла вниз, открывая доступ к большому блестящему грузовому лифту фирмы Otis.

– Как всегда шифруемся? – съязвил Оружейник.

– Здесь ты прав, впрочем, это никогда не помешает, лучше перебдеть, опять же и служивым поспокойнее.

Лифт ухнул вниз.

– Знаешь, и тебе, наверное, как стрелку будет приятно узнать, что за твое вынужденное отсутствие многое произошло, отрадно, что в положительную сторону. Наконец и до снайперских комплексов руки у государства дошли, а после известных событий на Востоке и пиратских атак у берегов Африки эта работа и вовсе сейчас в приоритете. У тебя там, – Батя указал большим пальцем

вниз, – будет много из нового, вот и протестируешь всласть.

– Согласен, такое приятно слышать. А сколько туда? – Оружейник повторил жест своего командира.

– Ствол шахты триста метров, защита в такой слой железобетона, что ее и прямым попаданием американского «Пискипера»[3 - «Миротворец», американская тяжелая межконтинентальная баллистическая ракета шахтного базирования.] не поколебать.

Оружейник уважительно присвистнул. Лифт остановился, мужчины вышли, вернее, Сергей Павлович вышел, а Михаил выкатился. Тут же механизмы опустили стальную плиту, закрыв возврат к лифту. Автоматически включился тусклый свет, явив небольшой серый тамбур из шершавого бетона, с одной стеной из сплошного металла, по центру ее был люк – дверь, как в банковских хранилищах, рядом – кодовый электронный замок.

– Слышь, Батя, раньше я такое только в кино видел, впечатляет.

– Да я и сам мелко трясусь каждый раз, когда сюда спускаюсь, боюсь когда –нибудь окончательно здесь мумифицироваться. Представляешь, три ошибки, и все, нас из этого склепа даже горноспасатели с лучшим горнопроходческим комплексом не достанут.

– Батя, ты уж, пожалуйста, код там свой не перепутай, а то я от любопытства быстрее кончусь, чем от удушья, да и юнгу жалко.

Полковник тряхнул слегка клеткой в левой руке:

– Юнга, это, конечно, да. Ей, бедняге, еще столько всего сделать нужно, ты уж там получше пригляди за девочкой.

Капитан первого ранга набрал код и отошел, громко щелкнул запорный механизм, крышка дернулась и медленно, по сантиметрам стала открываться, шипя, как рассерженная змея, видимо, не любила всяких там пускать в свою сокровищницу.

– Заметь, Войнов, здесь не развернуться, узковато, да? Архитектор, да и строители, те, что строили, не зря хлеб оборонки жрут. Все продумали, черти головастые. Воздуха тут почти нет, через час спичка тухнет, а если взрывом эту махину брать, укрыться негде, и сколько тонн пластида потребуется, думаю, даже создатель этой бронированной твердыни не знает. Только представь: вход двухметровой толщины, стальная плита, по самое не могу утопленная в крепчайший железобетон, а сам внутренний кокон, по моей инфе, толщиной более двадцати метров, из того же железобетона. Правда жуть? Сам каждый раз сглатываю, когда задумаюсь об этом.

– Согласен, это уже точно на уровне наших дедов, есть чем гордиться. Слышь, Батя, я тут тебе идею с подработкой подкидываю, забирай сюда золотой запас страны под охрану, здесь, пожалуй, безопаснее будет, чем в Гохране.

Батя ухмыльнулся:

– Идея неплоха, только тут и так ценностей по самое горло. Даже если представить, сколько может стоять эта вся прорывная хрень, что здесь размещена, затылок чесаться начинает. Ладно, двинули!

Сначала прошел Батин, потом коляска, а следом сам Оружейник питоном вполз внутрь.

– Ни хрена се, – вырвалось из уст Михаила.

Они оказались на деревянной полукруглой платформе, собранной из массивного листовенного бруса в центре огромной рукотворной пещеры. По периметру, как лепестки ромашки, располагались подсобные помещения мастерских, а стеблем выступала штольня, обряженная в железобетонные кольца, вполне себе метрополитеновского размера – освещения платформы не хватало, чтобы увидеть ее конец. У самой платформы на рельсах стояла пристрельная радиоуправляемая дрезина с разнообразными мишенями.

– Давай, Миха, включи освещение стрелковой галереи! – полковник протянул пульт, добавив: – Большая зеленая.

Оружейник нажал кнопку, от вида убегающих вспышек света аж дыхание сперло.

– Ух, двести, – едва ли не выкрикнул стрелок.

– Не глаз у тебя, Миха, а форменный лазерный дальномер, все верно, двести метров. Надеюсь, хватит.

Батин с удовольствием наблюдал за сияющим лицом боевого товарища. Оружейник, похоже, говорить не мог, но жестом у горла показал, что очень хватит, даже с избытком.

– Пристрелочная тележка управляется вот этим. – Полковник слегка нажал небольшую кнопку на пульте, и немаленькая дрезина, тихо засвистев электрическим приводом, со скоростью болида ринулась к дальней отметке. На большом табло над штольней замигали цифры, отсчитывающие расстояние удаления. – Тут же на пульте можно заранее задать расстояние.

Полковник подтвердил свои слова действиями, а Оружейник повторился:

– Охренеть.

– Ну, погнали дальше смотреть твою вотчину.

«Вотчина» превзошла все ожидания Михаила, он о таком даже не мечтал, в его распоряжении теперь была станочная с его любимыми «Торносами»[4 - Высокоточные швейцарские станки.], слесарная, кузня, закалочная, материальная, где, казалось, находилось все – от акульей кожи и железного дерева до булата в слитках.

А полковник продолжал и продолжал экскурсию по современной пещере Али – Бабы. Остановившись у одной явно бронированной двери со знаком «Осторожно! Радиация!», указал на него:

– Заметь, у комплекса автономка полная, и не только энергия, вода, канализация – все продумано, как на последних подлодках. Причем яйцеголовые от Минатома здесь поставили какой – то свой последний агрегат и раз в год будут наведываться к тебе с инспекцией, хотя все данные они и так снимают. Так что за этой дверью вотчина не наша, сюда даже не суйся. Ну, вот и жилой бокс. Тут все, как обещал, даже тренажерный зал с небольшим бассейном есть и зал

процедурный. Процедурный – это скорее медицинский бокс, с лампами там всякими, все – таки тебе придется ежедневно посещать это подземелье. До начала эксперимента каждый день к тебе будут спускаться два уборщика и врач. Не обессудь – устав. Знаю, ты с людьми не очень сходишься, поэтому потерпи и выявляй, чего здесь еще не хватает. Не против?

Оружейник, все понимая, кивнул.

– Согласен, значит, с работой?

– На все сто, Батя, и спасибо тебе, не подведу.

– Ну и ладушки. Тогда двинули в оружейку. Думаю, я тебя еще удивлю.

– Куда уж больше, я и так как пацан десятилетний, впервые попавший в Центральный Детский Магазин на Лубянке.

– Пожелания, просьбы есть?

– Есть, командир.

– Давай!

– Как я понимаю, у нас на поверхности есть пошивочный цех по спецуре?

– Да, шьем. Даже мешки под песок для стрелков, под сумки, разгрузки, горки. Ассортимент большой. Тебе что – то нужно?

– Да, нужно пару – тройку комбезов из перфорированной парусины, пусть девчата сошьют на меня, и еще хороший скотч, все. Мокасины и усилители я и сам сошью. Батя, как ты посмотришь, если я буду передвигаться по – пластунски? Знаешь, как осточертела коляска, если честно, я ее боюсь даже больше Деда Мороза в детстве.

– Ты боялся Деда Мороза? – Капитан первого ранга улыбнулся.

– Здесь нет ничего необычного, Батя, просто логика. Посуди сам, огромный дед, в руках дубина с наверху, за плечами мешок. Живет где – то в глубоком лесу, носит парик и бороду с усами из свалявшейся ваты – видимо, не хочет, чтоб его истинное лицо видели. Никто не знает, где именно этот гражданин живет, и есть ли у него паспорт. Добрые люди не ведут подобный образ жизни. Остановить его не может ни милиция, ни полиция, и даже ПВО ничего с ним сделать не может. Приходит, когда хочет, обычно ночью, дарит сомнительные ненужные подарки и оставляет записки, бросающие в дрожь, типа: «Слушайся маму и папу, я слежу за тобой всегда и везде». Жуть же, после этого и в туалете не расслабишься, кто же любит, когда за ним подглядывают?

Батин весь этот монолог ржал, как умалишенный, утирая слезы:

– Понял тебя, Оружейник, на елку не приглашаем. А насчет передвижений – делай как тебе удобней и запомни: здесь, – полковник обвел помещение руками, – место твоей ответственности, ты здесь царь, бог и охрана в одном лице, если, конечно, не считать юнгу. Без твоего ведома сюда только со свинцом в голове могут войти, даже я. Берешь объект под охрану?

– Через час, Батя, объект будет под охраной, я уж постараюсь.

– Вечером принесу документы на подпись.

Полковник посмотрел и сморщился.

«Не хочет уходить отсюда», – прочитал Оружейник выражение его лица.

– Слушай, мне уже давно бежать нужно, оружейку сам посмотри. Думаю, тебе будет приятно. В общем, ты в неплохой норе, у всех телефонов в бункере есть экстренные списки, там и мой на всякий. Нужно будет что – то – звони. Комбезы сегодня же закажу. Твои размеры я еще пом... – на последнем слове Батя осекся, нахмурившись и окинув бывшего подчиненного придирчивым взглядом. – Ну да, ну да, больницы никого не красят. И отставить сутулиться! Все, бывай, брат. – Полковник стремительно пошел к лифту, а когда его двери распахнулись, обернулся и успел сказать: – Боезапас не жалея, жги сколько душе угодно и из чего угодно.

Лифт закрылся. Михаил остался в так нужном ему раю один.

Глава 2. Шизофрения или еще какая хрень

Впервые с той трагичной для него ночи в Персидском заливе Михаил чувствовал себя спокойно. Девять дней он уже находился здесь, и ему нравилось. Вчера наконец ушли атомщики и спецы по установке регенерации воздуха. Долго по очереди жали руку, желая удачного эксперимента и личного здоровья, мило и как – то виновато улыбаясь. Оружейнику они нравились, эти научники в белом, эти люди из другого мира. Приятно было с ними общаться – тактичные, обходительные, даже застенчивые в чем – то, и в то же время страстно увлеченные своим делом, непостижимо умные люди.

«Все, один. Целый год одиночества. Мечта сбылась», – улыбнулся про себя Войнов. Кто бы знал, как он устал от людей!

Следующим утром Оружейник проснулся рано, давненько он так не высыпался, прошедшей ночью он не срывался в пропасть, его не пытали, не казнили, не умерщвляли различными предметами, кошмары – вороги почему – то покинули свой пост.

– Я люблю тебя, бункер! – громко крикнул мужчина, не боясь, что кому – то помешает. – Красота!

Потянулся, сполз на пол, извернувшись, натянул высокие овчинные чуни, закрепив их на голени скотчем, следом широкие кожаные наколенники и налокотники, сделанные им самим из сыромятины, более похожие на средневековые поножи и наручи.

– Ну, вроде как удобно.

Проделав несколько упражнений в таком снаряженном состоянии, Михаил ужом двинул в туалет, а следом в душ, там, конечно, пришлось разоблачиться. Вернувшись в спальню, тестирующий прорывных технологий надел один из парусиновых комбезов, добротного изготовления для него пошивочным цехом полковника, а поверх всю свою амуницию, которую в шутку называл латами полоза, тщательно закрепил ее скотчем, дабы ничего не выбилось при движении

по – пластунски. Добрался до платформы, привычно, доступными физическими упражнениями проистязал себя примерно с час, следом уже привычно туалет и душ. По – быстрому добрался до столовой, глотнул поливитамины, сделал себе кофе, разбавил баночным молоком, открыл ветчины, добавил к этому пару галет. Умял в свое удовольствие. Рядом Тигра с наслаждением наминала ветчину.

Подкрепившись, он добрался до платформы, где и прилег. Было удобно и тепло, пахло свежеструганной лиственницей и оружейным маслом. Михаил уже перетащил поближе к сердцу и снайперскую винтовку «Корд», и одноименный пулемет, и даже пару АПС[5 - Автоматический пистолет Стечкина.], периодически перебирая их до последнего винтика и обратно, любовно нанося смазку, по ходу замечая изъяны массового производства и обдумывая пути исправления и улучшения изделия. Это нехитрое монотонное занятие всегда, даже в очень сложных ситуациях, помогало Оружейнику достичь внутренней гармонии и заменяло молитву.

Повод понервничать сейчас был. Миха ждал, когда же начнется то, из – за чего он здесь, как речной рак, проверяющий качество воды, и это ожидание расшатывало нервы. О том, что проект может сорваться, офицеру думать не хотелось. Для него теперешнего, почему – то уверовавшего, что у него в этой подземной субмарине все получится, он еще раз будет полезным Родине и сам как – то по кусочкам соберется, срыв проекта все равно что пуля в висок.

О запуске Войнов знал немного. Знал, что прозвучит тревожный сигнал и загорится вон тот красный плафон на своде, следом начнется продувка и будет шумно, затем герметизация и включение всех систем. Да, еще красный плафон должен стать зеленым, явный признак штатно работающих систем – автоматика.

Оружейник засмеялся над собой, сотрясаясь, уткнувшись лбом в брус. Что может знать речной рак о водоканале и его работе, будучи наглядным биодатчиком пригодности подаваемой городу воды?

Вспыхнул красный плафон, заголосила сирена. Все естество Михи привычно отреагировало, кровь вскипела от адреналина, мужчина подскочил на одних руках – сработали вбитые годами боевые рефлексy – и тут же кулем повалился на платформу. Подсознание почему – то до сих пор не хотело признавать, что ног, можно сказать, нет.

– Полоз не может прыгать и бегать, он должен ползать, – сквозь плотно сжатые челюсти прошипел Оружейник.

Зашумело, будто лес под сильным ветром.

– Продувка, мать его! Держись, Тигра!

Он вынужден был вжаться в платформу, прихватив одной рукой крупнокалиберную винтовку, стоящую на сошке, второй клетку с юнгой, которую потащило по платформе, как и другую мелочевку: патроны, магазины, цинки, которые просто, как сухие листья, снесло к бордюру.

– Вот дают. Бляха! – сквозь зубы выругался Михаил. – У них там точно что – то пошло не так.

Нагнетаемый воздух подходил для чего угодно, но только не для дыхания, он был плотным, словно насыщенным прогорклым маслом вперемешку с серной кислотой. Оружейник даже закашлялся от сильного кислого привкуса во рту.

– Эй! Эй! Подопытные человек и крыса, мать вашу, протестуют! – Войнов кричал, ругался, все тщетно, хотя на поверхности его должны были и слышать, и видеть через камеры и микрофоны.

До экстренных телефонов Миха дополз быстро, они не работали, но облом со связью его почему – то не удивил. Офицер орал благим матом, пытаясь привлечь к себе внимание, но вдруг замолк. От двери с «жизнеутверждающим» названием «Радиация» тянулось странное золотое свечение со вспыхивающими то тут, то там искорками.

Из уст Оружейника вырвалось всего три слова:

– М – дя, пи...ц, однако.

Спокойно дожидаться этого искрящегося и будто живого смога выучка не позволила. Миха схватил клетку с Тигрой и перевалился через бордюр платформы. Удар о бетонные шпалы пришелся на ноги, он ничего не почувствовал и шустро пополз к самому удаленному месту от реактора. Юнга,

несмотря на юный возраст, стойко перенес встряску и кувырки, вцепившись намертво в прутья клетки в стиле дам, впервые пришедших покорять крутые «американские горки», с ошалелыми глазами и вздыбленной шерстью.

– Матрос, не ссать, – орал Оружейник, – мы еще покочевряжимся, морскую пехоту просто так не возьмешь, ядрена вошь.

Ползти и держать в одной руке клетку оказалось тем еще занятием, обхохочешься. Подобное мазохистское бегство тоже когда –нибудь приходит к завершению. Вот и все, конец пути. Тут тебе и тупик, и самый крайний стенд для стрельбы. Миха осмотрел себя: штаны на месте, тапочки тоже остались с хозяином, клетка с юнгой присутствует. Надо же, оказалось, экстренная эвакуация прошла штатно, без потерь.

Ну вот и оно, его место, рядом с мишенями, что ж, символично.

Необъяснимая золотистая хрень остановилась примерно на ста восьмидесяти метрах.

– Похоже, чуток поживем еще, – шумно дыша, усмехнулся Войнов и сморщился. Голова гудела, как пивной котел, в самый ответственный момент. – Плевать, потерпим, – прохрипел мужчина и обернулся к мишеням.

Пришлось ломать их и сооружать что – то наподобие гнезда – лежанки, благо мишени деревянные, сил хватило.

Прошел час, два, и еще два, а Миха все ждал. Мертвую тишину изредка нарушала попискивающая Тигра. Воздух, видимо, ей не нравился, или голова, как у напарника, «бо – бо», уже и не голова вовсе, а барабан в руках отморозка, вообразившего себя Яном Пейсом из Deep Purple.

– Люди, где вы? – без всякой надежды позвал Оружейник и хохотнул: – Умереть от мигрени... да меня в чистилище не пустят, скажут: «Пшел отсюда, халявщик».

В ответ все та же тишина. Никто не бежал, не спасал, не укутывал в одеяло. Где спец, где яйцеголовые, где, на худой конец, пожарные? Гнетущее затишье удручало. Одно хорошо: воздух вроде очистился, больше не смердело разбитыми

аккумуляторами.

Оружейник подвинул к себе клетку с Тигрой:

– Знаешь что, юнга, ввиду нештатной ситуации на борту держать и дальше тебя под арестом считаю постыдным. Если уж и придется нам погибать, всяко свободными это сподручней делать.

Михаил открыл клетку. Крыса медленно, с явным удовольствием выбралась и тут же отправилась исследовать, что тут да как.

«Эй, куда?» – про себя обратившись к Тигре, Оружейник пожалел, что выпустил ее – убежит же и, возможно, навсегда.

Внезапно его накрыло, или наехало что – то непонятное: безудержная радость от движения, от простора, удовлетворение, перед глазами полный хаос, зрение и обоняние в одном. Импульсами скакали черно – белые, очень контрастные картинки с цветастыми неоновыми всполохами немыслимых запахов, несущих ворох чуждой информации. Миху замутило, закружилась голова, пришлось закрыть глаза и глубоко вдохнуть.

Придя в себя, Оружейник тряхнул головой и шумно выдохнул:

– Я видел мир и запахи ее глазами, я чувствовал, как она. Да я волшебник, тудыт – тую! Удивительно.

Эти новые ощущения будто подхлестнули в мужчине жажду к жизни, у Михаила вдруг появился неподдельный интерес к этим новым способностям.

– Не, умирать не хочу. Да ни за что, с такими – то талантами. Теперь мы с Тигрой хоть в цирк, хоть в медвежатники, или еще куда, везде эксклюзивны.

Миха пошарил по карманам – где – то была пара – тройка галет. И правда, нашлось пяток галет, запаянных в целлофан, складной швейцарский нож, скотч, магнеевое огниво – памятная вещь, и конечно, кровный брат, уже давно ставший частью Оружейника, – нож из голубой стали, носящий имя «Аристократ» и хранящийся в ножнах на левом предплечье. Все.

– Негусто, – Войнов покачал головой, представил Тигру, посмотрел на галеты, откусил и постарался все это передать.

Опять накрыло и тут же отпустило. Через несколько секунд крыса прыгнула ему на грудь, он протянул галету. И без контакта было понятно – зверь голодный. Пока уминали по – братски сильно урезанный паек, Оружейник подводил итоги:

– Итак, что мы имеем? А имеем мы сильную головную боль, результат, скорей всего, отравления, вызванного интоксикацией органов дыхания. Гипоксии явно нет, головокружения, рвотных позывов тоже, аппетит присутствует, сознание не терял, пульс, давление в норме. С момента казуса часов пять точно прошло, значит, не все так плохо, и отек легких мне уж точно не грозит.

Сняв одежду, он осмотрел себя: несколько детских ссадин, пара уже более серьезных царапин на ладонях – результат спурта по – пластунски, да еще огромный синяк на бедре. Остальное было в норме, по – настоящему беспокоила лишь головная боль.

«Конечно, нужны медикаменты, но как к ним пробраться? Остается лишь перевести дух и хорошенько поразмыслить о случившемся, пока юнга мою долю доминает, – решил офицер и принялся перечислять факты и строить догадки: – Итак, произошло что – то, явно выходящее даже за рамки чрезвычайного. Доводов с избытком, и все весомые: отсутствие связи, необъяснимое явление в пределах реактора, полное бездействие ответственных служб и лиц.

Так, теперь по порядку. Воздух. Могла произойти диверсия на воздухозаборнике. Нет, несостоятельно, подопытный жив, что угодно, только не диверсия; авария на химическом предприятии – это бы да, но в этом до приторности ухоженном городке подобного производства не имеется даже в проектах. Кто ж будет загрязнять самый экологически чистый город на Северо – Западе? Если кто – нибудь из состоятельных что и замутит, атомщики костями лягут, но напрочь изничтожат подобное, причем вместе с зачинщиками, эти парни еще те выдумщики. Нет, это тоже отмечаем. А если смещение пластов, землетрясение, нарушившее воздуховоды, и проникновение пластовых газов? Нет, бред. Кажется, с воздухом "разобрались", понятно, что ни хрена не понятно.

Связь. Связи нет, и объяснений этому тоже нет. Без сомнений, эта составляющая проектировалась и осуществлялась военными спецками. Зная не понаслышке об

этой сфере и людях, которые в ней работают, и учитывая современные технологии, понятно, что случившееся ни в какие ворота не лезет. Необъяснимо. Получается, со связью тоже „разобрались“. Все веселее, блин.

Реактор – вовсе необъяснимая хрень. Явно какое – то не встречаемое ранее физическое явление. Что можно сказать? У двери в реактор золотистый смог насыщеннее, далее по мере удаления блекнет. Выглядит необычно, поэтому устрашающе, а вот моя хваленая интуиция как – то сомлела: глядя на переливчатую красоту, опасности не чувствует, как будто я младенец в утробе, ощущения первозданно теплые, даже можно сказать, добрые. – Оружейник тряхнул головой. – Ну бред же, морок.

Очередное „разобрались“. Что – то это удручает.

Осталось бездействие поверхности. Полдня прошло, если не больше, а с большой земли молчание, и это сильнее всего напрягает. На таком объекте помимо видео—, аудиокомплексов отслеживания должна быть туева куча датчиков, которые все это время должны где – то мигать, пищать, показывать что – то типа „Внимание! Опасность!“. И где реакция? Тихо и спокойно, как на погосте. Нет, на поверхности что – то не так, очень не так. Да и полковник должен был в крайнем случае пробиться, этот человек за своих и ядерную войну в состоянии развязать».

– Где ты, Батя? – вздохнул Войнов. – Похоже, и с последним «разобрались», что – то как – то не радостно. Нужно по – любому выбираться на поверхность, альтернативы нет, – принял решение Михаил и схватился за голову, выругавшись: – Задрала, сука! – Боль только усиливалась. – Нет, здесь я долго не протяну. Покемарить бы часок – другой, да как с такой головой заснешь. Все, что нужно, там. – Мужчина посмотрел на освещенную платформу.

Она была в порядке, выглядела все так же ярко, но не она приковала внимание. За границей золотого смога, будто подсвеченная искрами от бенгальского огня, сидела, спокойно намываясь, Тигра. Вот же палубная шустра.

Увидев, что на нее обратили внимание, плутовка подпрыгнула, пискнула и припустила к платформе. Остановилась, посмотрела на Оружейника, пару раз лизнула шкурку и двинулась в том же направлении, как бы говоря: «Чего сидишь ждешь, увалень?» Активация связи с удаляющимся юнгой на этот раз прошла

очень уж просто и даже обыденно, а главное – без того хаоса чуждой человеческому виду информации.

Миха хорошо видел глазами Тигры мелькающие шпалы, блестящую ленту рельса, на ней свои отпечатки и следы других людей, и он почему – то точно знал, что, увидев строителей, не важно, через год или через десять, он точно скажет, чьи это следы. Разум будто сам подстраивался, пропуская или преобразовывая только то, что понятно. Хотелось бы думать, что это именно мозг Homo sapiens продуцирует подобный фильтр, а не Rattus.

«Ну что тут поделать, не по уставу инициатива, но этакую отчаянную смелость и своевременность надо поощрять. Звание матроса напарница уж точно заслужила».

Тихо запев Высоцкого:

– Корабли постоят и ложатся на курс, – Михаил без страха вполз в этот золотой густой свет. Чего бояться? Тигра умная, и чуйка у нее явно на порядок лучше развита, не полезет она в опасное место – вон как беззаботно себя ведет.

Закрыв глаза, вдохнул, медленно выдохнул. Ничего не произошло. Нет, не так. На самом деле раскаленный железный обруч боли, медленно, но верно сжимавший виски, рассыпался вмиг. Оружейник аж застонал от прохладного облегчения.

– Люблю тебя, золотой! И тебя, Тигра! – крикнул он и в среднем темпе пополз к столь желанной платформе.

Первым делом дополз до телефонов. Они не изменили ранее принятому решению, молчали, как партизаны в гестапо. Это обстоятельство уже не воспринималось как конец концов, Войнов решил: если через три дня за ним и Тигрой не придут, будет прекращать этот хренопроект с полным всплыванием и побиванием морд всех противных этому, если таковые объявятся. Но это все потом, а сегодня еще нужно посетить медблок, обработать раны, празднично, до отвала накормить команду, помыться и спать, спать, спать. Оружейник улыбнулся, а чуйка правильно подсказывала: «Не верь глазам, не верь инстинктам».

– Давненько так сладко не спал, – заявил только проснувшийся Михаил, зевая и потягиваясь.

Посмотрев на свои руки, он от удивления закашлялся и окончательно стряхнул остатки сна. Глаза видели, а сознание отторгало, отрицало, пискляво крича, как игрушечный злой фокусник за тридцать три доллара: «Иллюзии! Иллюзии!» От вчерашних ссадин на руках и глубокой царапины на ребре правой ладони не осталось и следа.

– Как это возможно? – Зеленка осталась, а вещественных доказательств борьбы за выживание не было, совсем. – Святые угодники, как же это?

Оружейник даже не осознал, как добрался до медбокса, вроде только лежал в кровати, и вот уже он здесь, в царстве таблеточных блистеров. На скорую руку произвел раствор из лимонной кислоты на водной основе и спирта, смыл мази зеленки напроочь. Глазам предстала чистая кожа, давешние повреждения пропали, исчезли, рассосались, будто их и не было вовсе. Миха какое – то время туповато разглядывал кисти рук, пробовал на ощупь и так и сяк, растягивал, тер еще вчера поврежденные места, результат оставался тем же – поразительным.

Дрожащими руками мужчина скинул комбез. На правом бедре еще вчера был огромный синяк, теперь же – ровного цвета кожа. Ноги оставались такими же худыми, но...

– О боже, – прошептал Михаил.

Темных пятен на голени словно бы и не было, и сама кожа на ногах теперь не напоминала пожелтевший пергамент, а выглядела совершенно здоровой.

«Здравствуй, надежда, ты снова со мной», – осторожно, будто боясь спугнуть свой шанс, подумал офицер.

Когда до него наконец дошло, в чем здесь дело, и отрицать очевидное не осталось никакой возможности, он, и слова не сказав, отправился за своей постелью. На зубах, по примеру бобров, припер тяжеленный двуспальный матрас с постелью прямо к двери, ведущей к реактору. Там же обнаружил и юнгу, дрыхнувшего без задних лап. Вот же животное – раньше него нашла

лучшее место. Крыса не проснулась ни от шумного переезда Михи, ни даже оттого, что ее взяли в руки, лишь щелочкой приоткрыла и тут же закрыла один глаз, устраиваясь в руках Оружейника поудобнее. На теле зверька не было и признаков инородных включений. Как Тигра умудрилась избавиться от технологического наследия подопытной, Михаил даже предположить не мог.

А жизнь – то невообразимым образом налаживалась. Со стороны его какое – то расслабленно – юродивое лицо и этот пугающий смех приняли бы за помутнение сознания, но ему сейчас, как говорит молодежь, все было по барабану. Над его постелью, как издевательство, красовался знак «Внимание! Радиация!», нежданно – негаданно возродивший надежду, став для Войнова знаком «Внимание! Регенерация!».

Через пару дней Михаила перестало волновать, что там случилось на поверхности, у него наконец появилась цель, он изо дня в день видел улучшения в своих обездвиженных конечностях. Но он не любил быть лишь наблюдателем и как мог помогал этому процессу, беспрестанно массировал и сгибал ноги.

Все эти дни вахтенный с напарницей спали и жрали, именно жрали, другим словом то, что с ними обоими происходило, не назовешь. Миха не знал, как у Тигры, а у него аппетит проснулся не то что дикий, пугающий. Будто следуя зову, он, как кот, вынюхивающий валерьянку, на пару с крысой рыскал от столовой до медбокса, от медбокса до мастерской, подчиняясь этой проснувшейся тяге, поглощая то препараты с кальцием в удручающих количествах, то мелкую стружку бронзы или оружейной стали, вольфрам, жечь, алюминий, даже один свой нож из дамаска сточил – все шло в дело. Войнов уже с любопытством поглядывал на материалы, что еще не пробовал, и уже по вкусу мог отличить бронзу от латуни или свинец от олова.

В какой – то момент он перестал опасаться этой своей тяги. Наоборот, стал прислушиваться к запросам организма. Еще бы тут не прислушаешься – результаты этого обжорства поражали. На третий день с тела пропали все наколки, сделанные еще в юности, следом подчистую рассосались шрамы, а их у Оружейника за время службы накопилось предостаточно. Хронической усталости, пришедшей на плечах травмы, он также больше не ощущал, вернулось то ощущение из далекого прошлого, когда тело как бы само настаивало: «Давай, давай, нагружай, нагружай!» И он со знанием дела нагружал, подтягиваясь до изнеможения, отжимаясь до дрожи в плечах, с

каждым днем все больше и больше, больше и больше. Жизнь превратилась в дичайший спурт из физических истязаний и поглощения всего и вся.

В какой – то момент Миха перестал читать названия употребляемых медикаментов. Зачем? Он уже по наитию знал, что вот это цветастенькое – именно то, что нужно. Наверное, такую интуицию стрелок подхватил, как инфекцию, от Тигры.

Были и еще немыслимые изменения. С каждым днем, проведенным в этом благодатном золотом смоге, Михаил и Тигра прогрессировали: крыса подозрительно заметно подросла, да что там заметно, вдвое, а он уже точно знал, что это необъяснимое сияние рано или поздно поставит его на ноги, оно уже начало.

Глава 3. Монстры, патроны, два ствола

Оружие Войнов любил всегда, сколько себя помнил. Будучи еще мальчишкой, убегая на исторические реконструкции отыгрывать в основном сына полка, и чуть позже, немного повзрослев, он старался соответствовать, досконально изучая оружие Великой Отечественной. В свои десять лет он уже наизусть мог рассказать обо всех параметрах ППС-43[6 - Пистолет – пулемет Судаева.] от патрона до компенсатора или о ППШ-41[7 - Пистолет – пулемет Шпагина.], что приятно забавляло и удивляло устроителей и вообще многих взрослых. В одиннадцать Михаил уже мог произвести копию из металла, отчего имел непродолжительные проблемы с органами правопорядка, угодив, по ходатайству тех же правоохранителей, в Нахимовское училище. Позже еще большей страстью Миши стало избавлять оружие от корявых признаков массового производства, тюнинговать и переделывать под владельца, конечно, насколько это позволяла конструкция. Так он и получил свою кличку Оружейник, а избранные счастливики – личное оружие, вышедшее из – под рук настоящего мастера. Однако теперь, за все это сумасшедшее время, он даже в оружейную не заглянул, не говоря уже о пострелять.

Решив исправить упущение, офицер наконец добрался до оружейки. У раскрытой двери маячила Тигра, впервые не решившаяся зайти в незнакомый бокс. Не задумываясь о поведении напарницы, Михаил оглядел помещение. Батя

не обманул – это полный восторг! Вдоль стен тянулись заполненные оружейные стойки, приятно пахло новым оружием в смазке, среди которого были снайперки под различные задачи, несколько пулеметов, в том числе крупнокалиберных, штурмовые винтовки, автоматы под пистолетный патрон, сами пистолеты, коих и вовсе не сосчитаешь. Тут же на стеллажах расположился патронный склад, нет, не так – СКЛАД, явно на полк хватит.

– Ну, Батя, ты дал! – Взгляд мужчины задержался на малютке непривычной формы. Он слышал про ПП-2000 тульских оружейников, но держать в руках еще не доводилось. Потянулся, взял и тут же отдернул ладонь. – Вот же б...ь, да что со мной здесь происходит? – за какое – то жалкое мгновение он понял все об этом пистолете – пулемете: какие у него дефекты, как их исправить.

Ладно бы только это. За последнее время чего только не случилось, поэтому удивляться до обмороков Войнов уже не мог, как говорится, по привычке к чудесам Петрушка.

«Может, я и ходить здесь смогу? – закралась малодушная мыслишка. – Чем черт не шутит».

Он собрал всю злость, все обиды и словно бросил их в топку одного лишь желания: «Хватит валяться на скамье, вставай, Муромец!»

«Исправляйся! Исправляйся!» – как мантру твердило сознание, и вдруг Михаил попал в самый центр беспроглядного, блестящего сусальными искрами торнадо. Казалось, протяни руку, и все, тебя унесет, расшвыряв на молекулы. В голове шумело, сердце билось громко, как колокол. Бум, бум – м, и все громче и громче, будто отсчитывая последнее время. В виски словно спицы воткнули. Оружейник понял – надо убираться отсюда, представил себя в полный рост стоящим по центру оружейной, и тут точно кто – то сзади наградил ударом биты по голове, во всяком случае, ощущение и искры в глазах были на загляденье правдоподобными.

Миху выкинуло в большой мир, он стоял на полу посреди оружейки, на своих ногах, кровь каплями падала на кафель. Не прошло и двух секунд, ноги – пруты подкосились, и мужчина завалился набок. Падать он умел, уже давно, можно сказать, стал профи по этому делу. О пол ударился не сильно, а вот сознание покинуло офицера сразу. Очнулся он весь в крови.

Плевать на кровь, плевать на боль, в голове Оружейник прокручивал раз за разом то мгновение. Всего секунду, но он стоял на своих двоих! От возбуждения тряслись руки и ноги.

«Стоп! Что? Как? Почему? Боль в ногах, и они трясутся. Этого же не может быть ни при каких условиях, – это ему как военному совсем недавно честно сказала одно светило хирургии. Однако Михаил чувствовал свои нижние конечности, которые неистово болели и чесались. – О, какое это блаженство, какое же это невероятное блаженство чувствовать свои ноги!»

– Боль, здравствуй, сестра ты моя милая, сколько я тебя ждал, – опьяненный эйфорией, прошептал тот, кто еще недавно готов был умереть. Его буквально трясло от возбуждения, пришлось слегка вдарить себе по морде, дабы слегка прийти в себя.

В голову лезли мысли одна невероятнее другой, но Миха знал только то, что этот скачок в излечении произошел в том плотном сусальном урагане. Интересно, что же это было, неужели ему удалось переместиться в ядро этого золотого лечебного марева? Других объяснений Оружейник не находил.

Глядя широко раскрытыми глазами в потолок, Михаил засмеялся.

– Прошу любить и жаловать первого, кто, возможно, побывал в экспериментальном реакторе во время его работы, могу сказать, там не только красиво, но еще и полезно. Ладно, хорош зубоскалить, испытатель хренов, – одернул себя Войнов, – пора дивиденды пользоваться.

Оружейник со всей осторожностью попробовал чуть согнуть колено, это больше походило на подергивание, но получилось же.

– И это не бред и не глюки. А если и так, пусть, они мне очень нравятся.

Только теперь Михаил понял, как устал. Рядом нарезала круги радостная Тигра, переборовшая страхи и вошедшая в оружейку. Может, что – то хотела донести?

Войнов уже привычно подключился к «крысиному миру», и его поглотила волна обожания и веселья. Оружейник, несмотря ни на что, решил все же заползти

сначала в столовку, как – никак праздник. Теперь передвигаться стало сподручнее, удавалось при перевалке понемножку, через боль, сгибать ноги, помогая телу, да и навыки, полученные в спецназе, привычно включились. Он столько тренировался на полигонах, а полученное в армии, как говорил Батя, не потеряешь и не пропьешь.

В столовой без сожаления нарушил устав, раскрыл неприкосновенный запас, взял коньяк и кагор, вяленое мясо, твердый сыр, икру, масло, несколько пачек галет, печень трески в консервах. Следом по протоколу шли душ и пир на весь подземный мир.

Причины безудержной попойки с нижним брейк – дансом и морскими бравыми песнями определили сразу три: принятие Тигры в матросы, а это уже немало, магию – шмагию золотого тумана и, конечно, исцеление. Оружейник еще помнил, как начиналось веселье, как напарница радовалась повышению, как они потрошили, уплетая на скорость, вкусные деликатесы, как он пил то кагор, то коньяк. На моменте, когда Миха дал крыске еще одно, секретное прозвище Белая Горячка, воспоминания заканчивались – вырубило.

Когда проснулся, голова не болела, хотя вчера Войнов переживал, как же без рассола, напитка завтрашнего дня. Нет, не понадобилось, однако очень силен золотой смог. Вместо похмелья явилось другое, давно забытое, – нестерпимо захотелось в туалет. Во как, побудка и очередная радость, теперь и запруды в штанах, похоже, упразднятся, если вдруг забыл сходить по часам, ну как вчера. Перебрал, вырубился, а теперь ничего не помнил. Юнга, тьфу ты, матрос отказался пить с офицером – не по молодости мудрое решение, – так что все пошло Оружейнику досталось.

До гальяна дополз быстро, мочевого пузырь подгонял, а там, среди гордых никелированных писсуаров и беде, решил совершить, раз уж на то пошло, подвиг. Минут десять мужчина настойчиво заползал на стену, опираясь на толчок, пытаясь поставить себя вертикально, как ракету на стартовой площадке. С десятков срывов, и вот наконец получилось. Как расстегивать ширинку, он еще помнил. Под свой гомерический хохот обделал все, что можно и нельзя, но зато вертикально, и это самое большое счастье. После, конечно, вчерашнего.

Остаток дня Михаил потратил на уборку и не только гальяна, по ходу обдумывая, что с ним произошло там, в оружейной. Рьяно натирая пол тряпкой, трудолюбивый затворник старался поэтапно, мгновение за мгновением вспомнить, что предшествовало необъяснимому скачку, почему он смог вдруг оказаться стоящим на ногах, и как это случилось. У него пока было лишь одно объяснение: неистовое желание излечиться и вера в успех запустили механизм... видимо, телепортации. Надо бы повременить с этим опасным занятием, лучше на кончике иголки дозировать, чем ложками, и мозги всмятку.

Войнов подумал и о том, что нужно готовиться к завершению проекта этой хренотени 02342. Еще утром на глаза попался электронный календарь над стрелковой галереей, и Миху будто что – то торкнуло, он даже удивился, как быстро пролетело время. Надо же, тридцать первое декабря, эта магическая для россиян дата даже встряхнула его.

– Новый год же, чтоб его! – будто глаза открылись у слепого котенка. – Хорош, сегодня же прекращаем скрываться, нужно посмотреть, что же там, на большой земле, что с цивилизацией.

В том, что на поверхности все очень плохо, он уже не сомневался. Новый год на носу, и никто не чешется, ни одного сигнала извне. Батя обычно в преддверии, на правах личного снеговика Деда Мороза, поздравлял всех, как он говорил, ближайших, и тут главное, чтоб не повторно, иначе печень до курантов может не выдержать. Оружейник не любил Новый год, но Батю боготворил, поэтому приходилось терпеть.

С Батей что – то случилось – эта мысль стала решающей в желании прекратить данный сомнительный проект Минатома и ВМФ. Хотя как сказать, здесь, похоже, все что угодно вылечить можно, да и получить много необъяснимых навыков. Для Михи и вовсе без экивоков всяких этот бункер стал настоящим сакральным местом.

«Идти наверх по – любому нужно, если что, отойдем обратно, на зимние квартиры, желательно с Батей», – решительно подумал офицер и обернулся к напарнице.

– Так, матрос Тигра, объявляю подготовку к всплытию. – Он посмотрел на часы: четырнадцать по Москве. – Всплытие назначаю на шестнадцать ноль – ноль.

Что там нищим готовиться – только подпоясаться, как говаривал «любимый» воспитатель в детском доме. С преодолимыми сложностями Оружейнику удалось – таки донести до Тигры, что следовать на поверхность нужно, немного отстав от него, а выдвигаться в разведку только по приказу. Сначала думал ползти на поверхность невооруженным, однако, поразмыслив, решил не рисковать, ведь он теперь не только за свою жизнь отвечает, но еще и за жизнь Тигры, которой он, как ни крути, обязан. Да и что там наверху, он даже не знал, всяко с оружием спокойнее.

Выбор пал на пистолет – пулемет ПП-2000, недавно опробованный. В его ситуации, как показалось Михаилу, это был лучший вариант – небольшой вес, всего полтора килограмма за счет корпуса, выполненного из хорошего неубиваемого пластика, отличная плотность стрельбы и великолепная останавливающая способность во многом из – за патрона 9x19 повышенной бронебойной мощности. Взяв два ПП-2000, решил не усовершенствовать их, до выхода оставалось не так много времени, а дел еще куча. Стрелок подошел к стеллажу с патронами и задумался: «Сколько же взять? Ладно, патронов много не бывает, беру дополнительно на каждый ствол по три снаряженных рожка, итого общий боекомплект – двести сорок патронов, должно хватить при любом раскладе». Оружейник быстро зарядил восемь магазинов, двумя сразу оснастив автоматы, остатки рассовал в выбранный армейский пояс с подсумками, развернув их на спину. Примерно час провозился с кожей и ремнями, сшивая крепления для автоматов, чтобы носить их за плечами. Получилось грубо и коряво.

– Ничего, – заверил себя Михаил, – вскорости переделаю эту сбрую, будет как положено, удобно и красиво. А красиво в моем случае – значит очень функционально.

Осмотрев себя, мужчина остался доволен. Все, что может выбиться во время движения, он еще плотнее, чем обычно, прихватил скотчем, за плечами в удобных кобурах разместились две смертоносные малютки, поверх – плоский рюкзак. В нем несколько армейских пайков, баллон с водой, туго свернутое верблюжье одеяло, бухта веревки, бинокль, «Баллистол»[8 - Многоцелевое масло, им смазывают оружие, в том числе деревянный приклад, цевье и кожаные ремни. Обладает антибактериальным, дезинфицирующим эффектом, способствует заживлению ран. Запахом не отпугивает зверя.], аптечка и, конечно, дозиметр на всякий – лезли в голову нехорошие мысли.

– Так, попрыгали, – заявил Оружейник, несколько раз лихо отжавшись.

Тигра, похоже, уже и без контакта понимала человеческую речь, несколько раз потешно подпрыгнула, да еще такую мордочку хитрющую состроила.

Михаил улыбнулся:

– Хорошо, когда в группе есть свой доморощенный клоун, а тут даже серьезней, целая Белая Горячка, рожицы строит и умнеет, зараза, не по дням, а по часам. Все, двинули!

Для проформы мужчина в тысячный раз попробовал связаться по телефонам с поверхностью. Связь привычно отсутствовала, уже даже гудков не было. Что ж... Он набрал код, дверь послушно медленно открылась, все исправно, лифт, поднявший их наверх, – тоже.

В стилизованной раздевалке было сухо, тепло и темно, а вот запах стоял отвратный. Войнов нашел выключатель, щелкнув несколько раз, удостоверился, что электричество отсутствует. Послушал тишину – волнительно как – то.

«Почему так тихо? Новый год отменили, что ли? По идее, здесь должны уже ураганить по полной. Странно все это, очень, – насторожился Миха и достал дозиметр – нет, все нормально, фон обычный. Связался с Тигрой, осмотрел комнату ее глазами, как оказалось, видела она в темноте чуть хуже, чем днем. – Здорово, намного лучше, чем с прибором ночного видения».

Напарница тоже в свойственной ей манере предупреждала об опасности, причем опасность была везде. Оружейник вышел из контакта и удивился – он видел в темноте похуже, конечно, чем Тигра, но на уровне хорошего ночного прибора. Получается, каким – то образом через контакт еще и способности перенимаются.

– Круто, многое ты даешь, золотой смог, но что нас ждет впереди? Кому многое дают, того чаще всего и нагружают по полной, не думаю, что в нашем случае по – другому будет...

В том же ящике, из которого когда – то Батя доставал «Бакарди», и сейчас стояло несколько бутылок, там же Миха отыскал ключ от входной двери. Осторожно подполз, прижался ухом к прохладному металлу. Где – то рядом нет – нет да раздавались равномерные удары. Глухое «бум, бум», перерыв и опять «бум, бум».

Смазав «Баллистом» петли, Оружейник хотел тихонько открыть, когда в рукав с ключом вцепилась Тигра. Она прямо – таки в панике кричала об опасности по мыслесвязи. Мельком офицеру подумалось: крыса сильно прогрессирует в интеллекте.

«Отставить разброд и шатанье», – надавил он, матрос от такого посыла даже как – то сжался.

На очередной «бум» вставил ключ, на два других поворачивал ключ, еще на один бесшумно приоткрыл дверь. Обратился к Тигре: «Выходи медленно, вдоль стены, осторожно, скрытно, смотри, нюхай». Крыса подчинилась.

Он увидел ее глазами длинный коридор, заканчивавшийся завалом. На самом повороте в одну из вертикально воткнувшихся бетонных плит, стоя к ним спиной, монотонно, как заведенный механизм, билось лбом нечто ужасное.

Михаил даже в кошмарах такого не видел: образина в каких – то сальных, грязных даже не остатках одежды, а именно драных лоскутах вокруг бычьей шеи, и что – то там еще болталось на сильно вросшем поясном кожаном ремне; голова большая, с морщинистой пупырчатой кожей, ниже затылочного выступа отвратное образование, формой напоминающее небольшой дуриан[9 - Фрукт, плод растения семейства мальвовые. Очень полезен, обладает отвратительным запахом, но приятным вкусом, в сочетании с алкоголем опасен для жизни.]; само тело будто резиновое, мерзкое, серо – коричневое, в грязи и засохшей крови, широченные покатые плечи, мощные, чрезмерно длинные руки, увитые жгутами мышц... Нет, не руки, а ужасающие лапищи с загнутыми десятисантиметровыми когтями. По всему коридору виднелись дугообразные выщерблины, видимо, оставленные этими самыми когтями, а уж запирающая бетонная плита и вовсе была исполосована.

«Неужели этот урод устроил подобное?» – стрелок сжал зубы с выражением безгливости и опаски на лице.

Монстр бился и бился, будто пытался пройти сквозь бетон. Ударится два раза, постоит, и опять «бум – бум». Картины страшнее Оружейник себе и представить не мог. Все изменилось мгновенно. Люто завизжав, монстр словно взорвался, стал шинковать бетонную плиту. Треск, пыль, искры, разлетающиеся куски бетона, а через пару мгновений беснование поддержала вторая тварь – видимо, за поворотом скрывалось пространство, которого Миха с Тигрой не видели. Этот «хард – рок» и исполняющий его дуэт, от которого бросало в дрожь, кривой подшивочной иглой на живую пришил к памяти. AC/DC и Kiss в сравнении просто пятилетние школьницы – отличницы.

Оружейник едва сдержался, чтоб самому не заорать. В одно мгновение Тигра юркнула назад, прикрылась дверь, щелкнул замок.

– Фух, не поседеть бы, – перевел дух Войнов, откинувшись навзничь. Ему показалось, что все это время он и вовсе не дышал.

И опять тягучая тишина и «бум – бум», наводящее ужас.

Миха тщательно ощупал штаны – надо же, сухой. А как там Тигра? Он посмотрел на застывшую с круглыми глазами крысу.

– Что, сходила по – большому? Правильно, что уж тут, случай самый подходящий, я и сам удивлен, что с моими подштанниками все в порядке.

С десятков минут мужчина обдумывал тактику, это его успокоило. Первый монстр его не волновал, он был в самой уязвимой позиции, спиной, вот второй – это да, по быстроте наносимых ударов скорость этих тварей Оружейник уже примерно представлял, на все про все у него не больше трех секунд, а то меньше, до секунды на первого вместе с выходом, остальное на второго.

«Так, со вторым. Угол коридора должен за нас сыграть и дать чуть больше времени, – рассуждал Миха. – Скорей всего, тварь прыгнет на стену, а затем, оттолкнувшись, атакует. Это самый короткий и логичный путь до цели, то есть до меня, буду готов к этому».

Они с Тигрой переждали еще один взрыв ярости, Оружейник под шумок хлопнул соточку «Бакарди», чтоб привести себя в чувство, проверил оружие, осторожно отрыл замок. И когда вновь повторилось размеренное «бум – бум», держа оба

ПП-2000, подполз боком, приподнялся слегка, плечом дотронулся до двери, взяв наизготовку, медленно вдохнул, выдохнул, пошел...

Смертельная трель ПП была короткой, Войнов еще не ударился правым плечом о пол коридора, а первая тварь уже лежала бездыханным куском мяса. Монстр даже не дернулся: еще бы, за полсекунды в затылок влетело с десятков бронебойных шершней. Вторая тварь поступила, как Оружейник и планировал. Первой короткой очередью он поймал ее уже на стене, лишь немного задержав, хотя голова ее прилично дернулась. Остальной боезапас ушел в огромную разинутую пасть. Тварь издохла в воздухе, а Миха вовремя перевалился. Там, где только что находилась его голова, ударили когти, на сантиметры раскрошив бетон.

Тигра тут же наградила старшего товарища кратковременным восхищением, радостью, гордостью и целым будоражающим коктейлем из других эмоций.

– Было бы здорово тоже научиться так передавать эмоции, – пробормотал Михаил и приказал, погладив боевую подругу: – Ищи выход, Тигра!

Оружейнику казалось, его вершок за вершком поглощает совершенный из хищников – растерянность, мужчина надеялся на ответы, выйдя на поверхность, но чем дальше он продвигался, тем больше становилось вопросов, и стрелок совершенно не понимал, что происходит.

«Что же это такое, что за пришельцы?» – глядя на поверженных монстров, размышлял Войнов, внутренне содрогаясь от близости этих образин, пусть и мертвых. Обе твари килограммов под двести, та, что поменьше и сдохла первой, когда – то была человеком, кое – что от Ното у нее еще осталось, в основном одежда: ошейник из тряпья, вросший поясной ремень, также с остатками одежды, на одной из лап на большом пальце – кольцо – напалок с огромным рубином. Само кольцо скрылось под твердой ороговевшей кожей, не разглядишь, и только грани рубина поблескивали.

– Как бы ни было противно, нужно найти уязвимые места, – выдохнув, озвучил цель Михаил и попробовал прорезать кожу твари «Аристократом».

При всем своем великолепии нож из голубой стали оставил на бочине лишь незначительную царапину. Пришлось методом тыка определять уязвимые места,

их нашлось, на удивление, не так мало, как казалось на первый взгляд. Глаза, ушные раковины, носовые отверстия, нижняя часть челюсти, подмышки, паховая область и странный нарост ниже затылочного выступа, клинок вошел туда на всю длину без какого – либо сопротивления – похоже, самое слабое место. Массивные челюсти разжать не удалось, любимый нож Михаилу портить не хотелось.

Пока мужчина препарировал монстра, Тигра обследовала завал и уже сигналила с долей сомнения о возможном проходе, сетуя на то, что большой слишком большой, и ход узок для него. Сама – то она уже побывала на лестнице, ведущей на второй этаж. Проход к тигру на первом и выходу наружу даже для нее был отрезан.

Осмотр второй твари принес еще немного информации, удалось рассмотреть пасть, хоть и порядком развороченную. Челюсть мощная, уж точно не слабее тигриной, а вот строение зубов с фрагментами проступающего второго ряда напомнило Оружейнику прибрежных скватиновых акул.

– Бр – р – р, – Миху передернуло, – поосторожнее нужно с этой поганью, не заметишь, как вмиг руку отхватит, с такими – то зубками.

Глава 4. Темный

Где – то с час он расчищал проход от обломков. Тигра, словно с моторчиком в одном месте, металась туда – сюда, указывая, какой обломок тянуть, высвобождать, а какой ни в коем случае пока не трогать. Этакой полезности от крысы Миха никак не ожидал и не раз ловил себя на мысли, что вряд ли без нее нашел бы этот проход.

– Молодец, матрос! – несколько раз похвалил он Тигру, и она, маленькая подруга и помощница в этом царстве одиночества, расстаралась по полной, не побоялась, обследовала второй этаж, доложив, что там тихо и безопасно, есть выход на крышу. – Умница ты моя, настоящий разведчик, только не рискуй так больше, ты очень нужна стае.

Тигра пискнула, окутала Оружейника облаками обожания и любви, куснув при этом слегка за мочку уха, и умчалась куда – то по своим делам.

Открывшийся лаз шел под пролет лестницы на второй этаж. Обследовав завал из горы строительного мусора, Войнов высвободил какое – то покрывало, сложил туда оружие и часть вещей из рюкзака. Свернул, завязал веревкой, получилась своеобразная торба, привязал и к ней, и к рюкзаку по десятиметровому фалу[10 - Страховочный канат.]. Кое – как протиснулся в щель, дальше – легче, до пролета он добрался без осложнений, там уже можно было размяться, пространства хватало. Подтянув вещи, Михаил решил: все, пора устраивать привал, силы уже уходили. Глотнув воды, Войнов с Тигрой завернулись в теплое верблюжье одеяло. Несмотря на, казалось бы, смертельную усталость, Оружейник еще долго не мог заснуть, вслушиваясь и вслушиваясь в гробовую тишину, возвращаясь и возвращаясь к пережитому бою, наконец стрелка сморило, и его уволокли знакомые земные кошмары, вдруг ставшие детскими, безобидными, почти добрыми страшилками.

Проснулся Миха в тепле, почти в комфорте, если бы не старая подруга – змея подколотная.

– Опять ты, сука приставучая, – тихо выругался Оружейник.

Именно та, уже забытая головная боль вернулась, пока едва ощутимыми спазмами. Какой силы она может достигнуть, Войнов знал и доводить до такого не хотел, очень уж неприятными были воспоминания.

«Думаю, нашей терпелки хватит примерно часа так на два, ну три, если припрет, и надо отходить под прикрытие золотого».

Он посмотрел на часы, свет от командирских слегка ослепил. Оружейник усмехнулся:

– Совсем, получается, перешел на ночное зрение.

Захотелось присвистнуть, но выучка не позволила, подарок Бати показывал час ночи, получается, продрых Миха больше шести часов – произошедшее совсем

выбило из колеи. В деталях вспомнился бой с монстрами.

«Страшные противники, если что, осечки не простят, хорошо, что взял пару игрушек. Да, и с Новым годом тебя, Войнов Михаил Валентинович. Тигру нужно поздравить», – вспомнил о напарнице мужчина, посмотрел по сторонам – ее нигде не было. Попробовал мысленно связаться – привычная волна обожания, но не к его персоне, а к кому – то другому, удивила. Посыл крыски вовсе не для него предназначался. Как и в первый раз, в ее голове царил хаос из образов и запахов, и все в одном клубке, но общее он почему – то уловил. Тигра предупреждала об опасности.

Сверху зашуршало, Оружейник поднял взгляд – по лестничному пролету с огромным отрицательным углом, нарушая закон притяжения, будто на прогулке, странно подергивая лапами, семенила Тигра, а впереди нее полз небольшой темный комочек. Мужчина тряхнул головой: может, это морок, или он еще спит? Ущипнул себя, легонько ударился затылком о бетонную плиту.

– Черт, больно же.

Все приемы использовал, но чудо – альпинисты не пропали, они поступили по – другому. Первой на него прыгнула Тигра, следом – комочек, оказавшийся на поверку материальной тенью. Граммов десять – пятнадцать, не больше – определил Михаил.

– Кто это? – хрипло спросил он.

Крыса, усердно намывая тень, ответила: «Родился, родился... новый, новый, новый... стая, стая... растет, растет, растет... хорошо, хорошо, хорошо... безопасно, безопасно, безопасно».

Что и удалось выдавить из себя Оружейнику, так это:

– Ты полна сюрпризов, Тигра. И когда только успела? Видимо, в эксперимент попала, будучи уже беременной.

Крысенок казался существом из потустороннего мира: милый, невероятно красивый, с яркими ясно – голубыми глазками и шерстью из клубящейся тьмы.

Войнов не удержался, погладил малыша, при этом отметив, что если бы это существо увидели женщины, то со стопроцентной вероятностью затискали бы до смерти.

Что ж, все непонятки с продолжительностью беременности у крыс, количеству приплода, возможностями новорожденного в первые часы жизни ползать по вертикали, не говоря уже о шерсти, вновь придется списать на золотой смог. Оружейник даже не сомневался, этот мелкий ему еще ой как пригодится.

– Быть тебе Тенью, юнга.

Тигра подпрыгнула, заносилась по кругу, буквально оглушив его радостью, обожанием и очень длинным, запутанным образным посланием. Пришлось постараться, чтобы перевести повторяющийся массив, эту крысиную криптографию, увы, ничего внятного не получилось, хотя Миха все равно кое – что разобрал: Тигра рада за своего отпрыска, и вроде как Тень – хорошее имя, и еще какие – то невидимые когти, они были везде в образе, наверное, что – то важное из послания, но совершенно непонятное. И что его дернуло, офицер не знал, не иначе как жажда знаний.

– Тигра, покажи невидимые когти, – нашелся Оружейник, подумав: «Еще бы понять, что это».

Крыса послушно появилась на его груди. У Войнова аж дыхание перехватило от стремительности, и... Тигра сидела на задних лапах, вытянувшись, задрав голову вверх, шикарные усы слегка шевелились.

«Нервничает, будто солдат на осмотре оружия», – улыбнулся мужчина.

Оружия в понимании человека пока не было, но что – то заслуживающее внимания имелось. А что, возможно, это когда – нибудь и станет оружием. На согнутых передних лапах черные коготки Тигры заканчивались почти неразличимыми тонкими прозрачными иголочками длиной около пяти миллиметров. Миха хотел было к ним прикоснуться, но непонятные образования тут же дымкой развоплотились, исчезли. Оружейник отдернул руку и засмеялся, почти как дети в цирке, наивно и искренне, большой не большой, а фокусы все любят. Что его дернуло, не ясно, в последнее время интуиция и подсознание все больше и больше вмешивались в его жизнь, но офицер подхватил из мусора

рядом кусок проволоки, за которую еще держались несколько крошечных фрагментов бетона.

– Уничтожь!

Дальше как в сказке: мышка хвостиком махнула, и проволока распалась. Правда, в нашем случае крыса махнула лапкой. Какое – то время Войнов очарованно рассматривал идеальный, будто сделанный лазером, срез. Приподнялся, провел ладонью по наклонной – там, где давеча путешествовали крыски, на ощупь определил цепочки узких врезов, догадался: «Ага, теперь понятно, как они передвигались по вертикали».

– Слушай мою команду, – обратился Оружейник к Тигре. – Мелкого юнгу беречь как зеницу ока, холить, лелеять, усиленно кормить, по всей строгости военного времени воспитывать и обучать. Матрос Тигра как кормящая солдатка переводится на двойное довольствие. Тигре не разрешается вступать в боевые действия до отдельного приказа. Также матросу Тигре за усердие к службе присваивается очередное воинское звание – старший матрос.

Напарница, пискнув, будто поняла, встала столбиком. Миха улыбнулся: мелкий спал рядом на теплом одеяле, свернувшись калачиком, напоминая темный уголек, ровно пылающий черным огнем. Оторваться от созерцания невиданной красоты не было никаких сил.

«Сидел бы и смотрел, смотрел... хорошо – то как, – довольно зевнул стрелок и одернул себя: – Делом нужно заниматься».

Дозарядил боезапас в автоматах, жестко помассировал ноги, через боль сделал несколько упражнений.

Пока старший матрос кормила мелкого в соответствии с приказом, Оружейник рассматривал путь, который собирался проделать. Пролезть на лестнице между несущей стеной и самой лестницей? Очень уж узко, можно застрять с его – то ногами. Это пока не его путь. Получается, рассматривать нужно только левую сторону. Упавшая плита – видимо, верхнее перекрытие крыши – пристройки – смяла перила, выдавив их наружу, придавив всей массой, и только на пяти метрах появлялся просвет, в который можно было протиснуться. Михаил не сомневался: эти сваренные на совесть перила, частью отломанные, частью лишь

погнутые, выдержат его. По ним на руках он поднимется на нужную высоту, а там уж перевалится как – нибудь.

«Будем надеяться, что все пройдет штатно, иного пути нет».

Стрелок открыл банку тушенки, приказал Тигре насыщаться, а сам, взяв в зубы плетенку, полез вверх. Сложности не было, это почти не отличалось от прохождения «крокодила» на любой полосе препятствий. Уже на самом верху, на нужной высоте, пришлось, конечно, посопеть, немного переваливаясь, наконец и это получилось. Отлежавшись немного, он полез наверх. Вся лестница была посечена когтями тварей – характерные следы при быстром передвижении.

«Сколько же их здесь было?» – присвистнул Войнов.

Пугающей тишиной и болью от света двух ламп накаливания встретил его второй этаж. Дурак, нечего смотреть на яркий свет. Освещение досталось лишь стрелковой галерее, а лестничная площадка и лестница, как наверх, так и на крышу здания, находились под властью мрака. Хотя теперь даже полное отсутствие света не могло доставить дискомфорт.

Миха увидел и широкую двухстворчатую, настежь распахнутую железную дверь – выход на крышу, и даже кусочек звездного неба, озадачившего сразу, потому что раньше таких звезд он никогда не видел. Таких ярких, больших, куда уж там Сириусу. Да и температура тут где – то градусов двадцать была, и это при настежь открытых ставнях на крышу, где январь. Даже если небывалая оттепель, все равно не клеится. Загадки, загадки только множились, а ответы опаздывали. Сильно.

Опасности стрелок не чувствовал, да и горького запаха живых тварей не ощущал. Тигра тоже вела себя спокойно, занимаясь юнгой. Оружейник, осматриваясь, снял рюкзак и привалил его к стене, решив обследовать вначале галерею, а потом уже отдаться обзору ландшафта. Он не любил за своей спиной оставлять непонятки, а здесь их было в достатке, взять хотя бы наличие света.

– Что ж, двинули, – то ли для себя, то ли для команды сказал Михаил и отправился исследовать местность.

Пугали, давили различия, совсем недавно здесь звучали живые голоса, смех, играла ненавязчивая музыка, тусовалось множество молодых красивых людей, теперь же в этом месте, как в большом склепе, были одни лишь признаки смерти и могильная тишина.

У крайней стены стрелковой галереи раскинулся лагерь: два блока по пять двухъярусных армейских кроватей, рядом одинокий массивный круглый стол, если не считать стульями оружейные ящики, чуть поодаль у левой стены – кухня с четырехкомфорочной плитой с духовкой и рядом пятидесятилитровых газовых баллонов к ней. На самой стене висели стеллажи с коробками, коробочками, коробушками с сублимированными продуктами и консервами. Отдельно хранились огромные запасы вина, натасканные, похоже, из магазинов разной ценовой категории, дорогие напитки соседствовали с откровенной бормотухой. С противоположной стороны была обустроена мини – мастерская: два верстака, один с массивными тисками и струбцинами, рядом напольный трубогиб, много разного инструмента, пара баллонов с аргоном, сварочный аппарат и куча материала – нержавейка и дюраль в трубах и прутках. Жилую зону как бы отгораживали сейф, морозильная камера и два торговых автомата. С дистанции в пятьдесят метров все там смотрелось целостно и чисто, даже электрооборудование работало, подмигивая зелеными диодными огоньками, создавая впечатление, что люди покинули это место только что.

Зато там, где находился Михаил, все говорило о серьезном бое: стреляные гильзы разных калибров, выбоины, выбитые куски бетона – работа крупнокалиберного пулемета. По пулевым отметинам Оружейник определил позиции стреляющих: одна группа стрелков вела огонь с лестницы на крышу, крупнокалиберный пулемет отстреливал именно оттуда; вторая группа линией стояла метрах в двадцати от жилой зоны, так же, как и первая, ведя огонь фактически в упор.

Войнов осмотрел следы от когтей, тянувшиеся по всей длине лестницы, последней лестничной площадки и стены. На повороте ему стало ясно: на стрелков неслась целая лавина тварей снизу. Мужчина понюхал один из валяющихся патронов, по остаточному запаху пороха определил: битва произошла не более как три – четыре дня назад. Обследовав поле боя, он пришел к ужасающим выводам: «Видимо, монстров было много, очень много, оборонявшимся пришлось взорвать вход, а следом всю пристройку, скорее всего, их предварительно заминировали. Судя по всему, шансов выжить не было, поэтому пришлось идти на такие крайние меры».

Трудно себе представить, что может противостоять плотности огня двух десятков человек с автоматическим вооружением в таком – то помещении. Возможно, среди нападавших были твари куда опаснее, чем те, с которыми Миха встретился внизу. На подтверждение этого он наткнулся буквально тут же – разорванный пополам «Печенег» говорил о многом. Страшнейшим стал последующий вывод: всех людей, да и сраженных тварей тоже, всех подчистую схарчили, даже кровавую юшку с бетона слизали.

В угнетении Оружейник дополз до жилой зоны. Источник энергии определился сразу – у стены рядом стояли несколько гелевых аккумуляторов и кое – какое оборудование для солнечных батарей, скорее всего, смонтированных на крыше. Приличный немецкий сейф удивил, и что здесь можно хранить? Его явно зачем – то сюда приволокли. Тоже загадка. Большая морозильная камера и стоящий рядом вакуумный упаковщик ясности не прибавляли, а вот два торговых автомата ударили под дых, да еще как. Казалось бы, что такого – вездесущие шоколадные батончики и кофейный аппарат, если не считать четверть мешка мелочи рядом. Эта страшная картина до белых губ напугала Войнова. Два, пять, рубль – монеты без всякого уважения были рассыпаны вокруг. Наконец Миха осознал масштаб катастрофы, его будто силы покинули, стекли куда – то в бетон. Он лежал, уткнувшись в холодный пол, рядом жалобно попискивала Тигра, чувствуя мучительное опустошение человека. Оружейника лихорадило, это и вправду конец. Государства, которому он служил, больше нет...

– Нет, нет! – мужчина завыл, как умирающий зверь.

Положение спас юнга. Когда к твоей щеке прикасаются нежные лапки мелкого, жалобно и плаксиво попискивающего, это даже не соломинка, а целое бревно. Тут еще Тигра, свалив что – то со стола, громяхая и упираясь, со всем усердием тащила добычу к командиру. Это оказался отличный снаряженный тактический пояс и какой тяжеленный, удивительно, как только доперла, настоящий трофейщик.

– Ну спасибо, старший матрос, – искренне обратился Михаил к Тигре и потянулся к девяносто второй «Беретте» – великолепный мощный пистолет, пригодится как оружие последнего шанса.

Крыса, перепрыгнув руку, заскребла по притороченной фляге, посмотрела на Оружейника и опять усердно заскребла по металлу.

– Что, хочешь, чтоб я это выпил? – Оружейник ощутил уверенность, пришедшую от Тигры, узрев черную картинку, где вместо солнца фляга с лучами и множество маленьких человечков внизу. Достал из подсумка фляжку, открутил пробку, принюхался. – Да это беленькая! Во как, солнечная настойка, живая вода, значит. Ну да, многие от Калининграда до Шикотана так же считают. Давай за них за всех, пусть побольше в живых останется. – Мужчина выдохнул, лихо глотнул и скривился, передернув плечами. Пойло оказалось отвратным. – Ух и зараза! Это что угодно, только не водка и даже не первач.

Однако после ощущений, будто пришлось откушать самогона на дерьме попугая, по телу прокатилась волна тепла, попутно сметая, смывая не хуже золотого смога ставшие уже привычными боли.

«Вот же, и вправду живая вода, – удивился Михаил, – а Тигра – то в сложившихся условиях становится незаменимой».

– Давай, подруга.

Оружейник отлил немного драгоценной жидкости в колпачок, крыса не стала жеманиться, полакала, стрелок налил еще, но на этот раз напарница отказалась, послав предупреждение: «Пить много опасно». Теперь Миха легко различал свои эмоции и пришедшие от Тигры, они будто толкались в его голове.

– Спасибо, что предупредила, – в правоте напарницы он даже не сомневался. – То, что могу, то, что могу, – повторял и повторял мужчина, оплачивая и оплачивая, вынимая и вынимая из автомата, как ему казалось, сладкие батончики с наибольшим содержанием орехов.

Тигра не сразу распробовала своеобразно пахнущую пищу, долго шевелила усами, принюхиваясь, а после накинулась на арахис, будто голодающий вегетарианец, следом с таким же рвением без всяких там распознаваний вгрызся Тень. Укусит и бежит к Оружейнику, будто приглашая: «Ну что же ты, Большой, отстаешь? Вкусно, питательно, давай, а?» Пискнет и снова бежит к оставленному батончику.

Цирк, да и только. Пришлось Большому и себе взять эту непонятную хрень, и только после того, как он куснул вкусняшку, мелкий борец за справедливость наконец успокоился. Пока Оружейник употреблял так полюбившийся его

команде батончик, запивая это недоразумение настоящим горячим кофе, усмотрел кое – что интересное, и еще одной загадкой стало меньше. Всю жилую зону окружали камеры, а паутина проводов в конечном итоге жгутом сводилась за заднюю стенку сейфа, так что его предназначение стало очевидным.

«Ба, да здесь все держали под контролем, скорее всего, и сейчас сервер картинку фиксирует. Ключи от этого богатыря я вряд ли обнаружу, они, наверное, где – нибудь в куче дерьма, далеко за пределами этого места. Вся надежда на Тигру и на ее когти, на крайний притащу сюда корд и попробую универсальный ключ крупного калибра. – Михаил прищурился, разглядывая сейф, а после перевел взгляд на манящее ночное небо. – Узнать информацию с записей, конечно, интересно и жизненно важно, надеюсь, ее удастся снять, но здесь хотя бы худо – бедно все осмотрено, а вот открытая дверь меня напрягает. Твари ушли отсюда через выход на крышу, другого пути после взрыва попросту не осталось, так что надо бы в первую очередь определить, смогут ли они вернуться, да и осмотреться не помешает».

Осмотр двухстворчатой и абсолютно целой двери порадовал – массивные железные створки, по всем правилам, открывались наружу, изнутри кто – то приварил кованую самопальную щеколду с квадратным запирающим пальцем, скорее всего, продукт не нашего времени, раньше такие вещи делали солидно и на века. Крыша оказалась плоской, совсем рядом с выходом возвышался кирпичный парапет, посеченный когтями тварей. Уходили они здесь.

Оружейник подполз к ограждению, подтянулся, глянул вниз – метров пятнадцать будет, прямо у стены большая клумба, развороченная, будто на ней бульдозер порезвился. С этим все было понятно, а вот округу Миха не узнал совершенно. Раньше здесь стояли здания, гаражи, высокие деревья, которые кое – где росли почти вплотную к тире, а теперь – пустырь, тянувшийся до самого Копорского шоссе, заросший луговой травой. Лес со стороны Копорской губы вовсе был вырублен километра на полтора.

– Хорошую тут себе устроили стрелковую позицию, – хмыкнул Оружейник и перевернулся на спину.

Ночное небо, понятное дело, привлекало его куда больше, выглядело бесконечно красивее и грандиознее, чем все, что находилось на земле, и было

так же бесконечно необъяснимо, прям до дрожи в коленках, ведь Михаил не узнавал ни одного созвездия. Звезды он читал хорошо, причем в любом месте земного шара, эти знания вбивались в подкорку еще с Нахимовского. Только луна не вызывала недоумения.

«Сегодня первое января, третьи лунные сутки, фаза луны растущая, освещенность восемь – девять процентов», – мысленно перечислил известные факты Войнов, глядя на тонкий серебряный серп, такой, каким ему и положено быть.

Кроме незнакомых созвездий, были и другие странности. Несмотря на зимний сезон, вдруг подул предрассветный утренний бриз, теплый, градусов так восемнадцать. Откровенно пахло летом, и несколько сверчков где – то недалеко вовсю наяривали свои извечные рулады.

Сосновый Бор проглядывался отчетливо, но ни один огонек не горел, ЛАЭС узнавалась только по огромной трубе и до боли знакомому золотому отсвету, огни Приморска тоже нигде не мерцали. Миха вгляделся в сторону Питера – ничего, свинцовая мгла. Сестрорецк, Кронштадт, Ораниенбаум, Петродворец, их свет тоже обычно хорошо виден, на худой конец, маяки Толбухин, Полосатый, Пьяный, корабли на рейде... Нет, ни искорки.

Мужчина присел и с облегчением подумал: «А может, и к лучшему, это явно не Земля, и там у них все штатно, Батя живой»... Вздохнул, погрузил с минуту, достал флягу с живой водой, поднял ее к ночному небу, глядя на звезды, и обратился с тоской:

– Бывай, Сергей Павлович, бывайте, Медведи, вспоминайте меня, и я вас буду.

Глотнул, занюхал рукавом.

Глава 5. Потрошители

Глоток найденного Тигрой пойла принес с собой уже привычную теплоту, эйфорию и избавление от всех негативов. Не забыл Оружейник и саму

напарницу, на этот раз она не отказалась.

«Ну, одного собутыльника я уже нашел, – усмехнулся Миха. – Пей, пей, моя Белая Горячка, за наших и за ваших где – то там», – он кивнул на небо. Чужие звезды холодно молчали.

– Несмотря на свою ядовитую натуру и отвратный вкус, живая вода – вещь! – заключил мужчина вслух и задумчиво прищурился. – Интересно, сколько бы это пошло стоило на Земле? Явно дороже любых «Дом Периньон» или «Макаллан». Да я и не знал, что стану олигархом!

Дальнейший осмотр плоской крыши многого не дал. Так думал стрелок поначалу, пока не обнаружил несколько оборудованных огневых позиций для снайпера, мешки с песком, удобные лежаки, с десятков канистр с бензином рядом, панели солнечных батарей на торце здания и механический подъемник с гусаксом и обычной малярной люлькой. Скорее всего, это и был вход – выход.

А что, неплохой форпост, пятнадцать метров чистой отвесной бетонной стены без окон или каких других конструкций, облегчающих проникновение, зацепиться совершенно не за что, вход – выход только через подъемник. Тварям даже с учетом их скоростных возможностей и ловкости не забраться, слишком большой вес нажрали, адовы дети. Неплохая крепость получилась. Когда – то было здесь одно слабое место, но теперь и оно завалено напрочь.

Оружейник отвлекся, засмотревшись на своих питомцев. Тигра с мелким нарезали круги по парапету – наверно, решили изобразить электроны и протоны в ускорителе, двигались они неестественно быстро, мелкий и вовсе отрывался по полной, успевая еще выделявать различные кувырки, то перепрыгивая родительницу вдоль и поперек, то проскальзывая под ней. Нужно было парня назвать бозоном Хиггса[11 - Бозон Хиггса – элементарная частица, квант поля Хиггса, с необходимостью возникающая в Стандартной модели физики элементарных частиц вследствие хиггсовского механизма спонтанного нарушения электрослабой симметрии.] – такого хрен поймает.

– Тигра, Тень! – позвал улыбающийся Войнов. – Уходим.

Вроде все, ничего не пропустил, и все же нечто удерживало его. Что – то здесь было не так, он упускал что – то важное.

Питомцы уже скрылись за дверью. Оружейник прислушался к себе, пытаясь понять, что же его беспокоит. И наконец осознал: тонкий тревожный запах. Запах смерти, идущий от люльки. Человек в обычной жизни почти не пользуется своим обонянием, за тысячи лет эволюции отвык, так и он еще в полной мере не научился пользоваться своим новым инструментом – обострившимся здесь обонянием. Хотя Михаил сильно сомневался, что приобретенную способность можно обозначить человеческими терминами, это явно было что – то большее. Он вернулся к подъемнику, подтянув, развернув гусак вместе с люлькой, опустил ее на крышу. Дотронулся до основания, и его едва не стошнило от ужаса и ненависти, впитавшихся в эту конструкцию из металла и дерева.

Здесь забили множество людей, именно людей, он буквально слышал перезвон потусторонних колокольчиков, стоны, приглушенные предсмертные крики, проклятья. Видел, будто многократно переписанное видео, эту люльку, заполненную дергающимися людьми, трупами, и кровь, кровь, кровь. Когда пришел в себя, неистово захотелось в душ, смыть, будто грязь, эти страшные ощущения.

Закрыв створки и щелкнув задвижкой, Войнов наконец ощутил уже порядком забытое ощущение незначительной, но все же защищенности.

«Может, я в аду? Узнать бы что – нибудь об этом мире. Может, запись с камер поможет, не зря же их столько понатыкано вокруг».

Первое, что он сделал, добравшись до жилой зоны, – открыл морозильник, леденящие кровь подозрения подтвердились. Огромная холодильная камера была забита человеческими органами в вакуумных упаковках. Михаил отскочил, будто его током шибануло, даже смотреть на этот агрегат стало мерзко, крышка хлопнула, закрывшись. Отдышался. Он пока не знал, что делать с этим отвратным хранилищем, а вот причастный вакуумный упаковщик, получив очередь, отлетел, фонтанируя своими пластиковыми частями.

– Суки! Нелюди! Кем бы вы ни были, найду и прибью всех на хрен!!!

Желание отдохнуть развеялось, тут расслабишься, как же. Что – то нервы у Михи были ни к черту, сначала эти твари, теперь и того хуже. Если этот мир не преисподняя, то филиал уж точно!

Таким заведенным он себя давненько не чувствовал, да что там давненько – никогда. Мужчина, потеряв ход времени, в каком – то исступлении перетаскал почти половину деревянных армейских ящиков на крышу, скидывая их за парапет, туда же отправились матрасы и все, что может гореть. Перевернув морозильную камеру, Войнов дрожащими руками складывал страшные мерзлые упаковки в армейские одеяла, над каждой повторяя: «Найду и отомщу, вы собственные кишки сожжете, суки». Перетаскав все наверх и за бордюр, Михаил отобрал несколько почти пустых канистр, добавил в каждую машинного масла, взболтал, не закрывая крышек, сбросил на своеобразный погребальный холм. Подождал немного, сделал небольшой запальный факел из тряпицы и деревяшки, поджег.

– Гори все синим пламенем! – выдохнул стрелок и, стиснув зубы, бросил запальник, понимая, что поступает иррационально. Этот погребальный костер может быть для него опасен, яркий свет выдавал Миху, но поделаться с собой офицер ничего не мог, он должен был предать это огню, а там что будет, то и будет.

Внизу ухнуло. Загорелось знатно. Через полчаса туда же отправились куски морозильной камеры и вакуумного упаковщика.

Сейф, несмотря на свою солидность, конечно, не без труда, но при помощи горелки, аргона и плазменной дуги вскрылся, будто консервная банка, армейским ножом. Дверь еще немного подержалась и отвалилась, громыхнув о бетонное основание, отчего здание будто трянуло.

Оружейник задорно свистнул – успех был оглушительный – и подполз, с любопытством осматривая на загляденье ровный посиневший срез, от которого тянуло теплом.

Внутренности сейфа как будто и не заметили потерю крепостной стены, жили своей жизнью, слегка шумя и перемигиваясь разноцветными светодиодами. И с первого взгляда было понятно – внушительная техника, профессиональная, явно кто – то не поскупился.

На самой большой нижней полке сейфа уместилась бутылка литров на десять и два закрытых пластиковых ведра, остальное пространство занимал элитный

алкоголь. С бутылкой, отвинтив крышку, Миха разобрался сразу – живая вода. «Неплохо, надолго хватит», – подбодрил себя он и перебрался к пластиковым ведеркам. В них лежали непонятные зеленоватые то ли плоды, то ли икринки, похожие на виноград. Трогать их и тем более выкидывать Оружейник поостерегся, посчитав: «Раз хранились в сейфе, значит, имеют ценность, деньги вон по полу рассыпаны, а это в сейфе».

На средней полке располагался профессиональный видеосервер с небольшим поднимающимся экраном и выдвижной клавиатурой, под ним – блок дополнительных архивных винчестеров, чуть выше – радиостанция известного японского производителя. Аппараты не из дешевых, в рабочем состоянии.

Войнов подтащил стол вплотную к сейфу, из оставшихся ящиков соорудил что – то наподобие лестницы, взобрался на стол.

«Пожалуй, отсюда я смогу и содержимое винчестеров посмотреть, и эфир послушать».

Закрытой оставалась только верхняя часть сейфа, но с ней никаких сложностей не возникло – ключи беспечно торчали в замочной скважине.

– Ну – с, посмотрим, – потер руки мужчина.

В самом охраняемом и престижном, что ли, месте он обнаружил пластиковый контейнер для бутербродов, наполовину заполненный шариками с горох величиной, словно сделанными из прессованного сахара, с легким фиолетовым оттенком. Еще один подобного размера контейнер был забит полупрозрачными спутанными нитями янтарного цвета. В последнюю очередь Войнов вынул из сейфа самое драгоценное – совсем крошечную шкатулку из золота и самоцветов, с вензелем известного ювелирного дома. В ней покоились пять жемчужин: четыре черных и одна красная. Красивые, блестящие, притягивающие взгляд и странно тяжелые.

Тигра подобралась вплотную к шкатулке и вела себя при этом как – то взволновано, больше, чем обычно, водила носом, топорщила усы, обнюхивая столь необычную добычу. Дальше больше, питомица стала бегать туда – сюда, то прыгнет к руке Оружейника, понюхает, то несется обратно к шкатулке, водит носом, перекатывает жемчужины, будто выбирает. Наконец крыса

определилась, выбрав красную, прыгнула к руке Михи, залезла под ладонь, заставив его перевернуть кисть, и только тогда выложила жемчужину на руку. Привстала, посмотрела в глаза, будто призывая к чему то. Разочарованно пискнув, попрыгала обратно к шкатулке и положила около Тени черную жемчужину. Мелкий, даже не раздумывая и не приняхиваясь, за одно мгновение умял ее. Еще одну из черных Тигра демонстративно отведала сама, а потом и вовсе начался цирк – то посмотрит в лицо Оружейнику, раздраженно пискнет, то обратно уставится на раскрытую ладонь, где одиноко покоилась жемчужина, мол, давай, Большой, глотай быстрее, задолбал уже своей непонятливостью.

Что ж тут поделаешь, не отставать же от коллектива. Тигре после всего случившегося Михаил верил, как себе. Проглотил жемчужину, прислушался к ощущениям – ничего страшного не произошло, мужчина остался жив, относительно здоров, третья рука не выросла.

Не впечатлившись результатом, Войнов тут же стал думать о другом и вспомнил о своей усталости.

«Завалиться спать здесь же, на столе?»

Тревожила дверь на крышу – случись что, отойти вниз не успеет, но триумфировать из приятной деревянной лежанки, рюкзака под головой и теплого одеяла переубедил дергаться и ползти вниз, в бетонную крошку. Положив под руки автоматы, Оружейник заснул.

Разбудила его напарница, интенсивно царапая лапками флягу.

– Понял, понял, встаю, магазин уже открылся, пора опохмелиться. – Голова и правда уже с утра гудела. – Мы с тобой алкоголики, Тигра, – констатировал Оружейник, отхлебнув из фляги и привычно отлив дозу старшему матросу. – Эх, подруга моя, начальство узнает, спишут нас с тобой с судна, правда, далековато им до нас идти с инспекцией, может статься, и ста парсеков окажется недостаточно. Так что бухаем в полном спокойствии и праве.

После живой воды в животе Войнова предательски заурчало, думы думами, а пожрать бы не помешало. Сухпак изрядно уже поднадоел, так что Оружейник решил приготовить простейшее и всем знакомое блюдо, благо вода, газ и все нужные продукты были в наличии. Видимо, таинство приготовления пищи

крыски наблюдали впервые, они даже не носились кругами, как обычно, а застыли немymi неподвижными столбиками, уставившись на булькающий котелок, как на божество какое. Макароны по – флотски их поразили даже больше, чем шоколадные батончики. Умято было все подчистую, даже котел вылизали до блеска – и куда в них столько влезло?

Остаток дня Миха провел на столе, разбираясь с техникой и просматривая архивы записей, и небезрезультатно.

Первую запись с людьми, если можно так сказать о тварях в личинах человеческих, он нашел от тридцатого декабря и с неподдельным интересом и надеждой приступил к просмотру.

Шесть часов утра, в двухъярусных кроватях пятнадцать человек, с виду все как в обычной казарме: притушенный свет, тумбочки, табуретки, из одежды армейская обувь, камуфляжные горки.

Без пятнадцати семь что – то просигналило, один из спавших встал с кровати, отключил будильник. Скорее всего, это и был главарь, потому как над ним, на втором ярусе, никто не спал, а ключ от сейфа болтался на шее. Хотя сразу и не разберешь, шея это или второй подбородок, ключник больше походил на элитную свиноматку: огромный, со множеством складок, под два метра ростом, неимоверно пузатый и волосатый.

Донельзя хмурый хряк почесался пятерней, позевал, разлепил глазки – пуговики и сразу же их захлопнул, еще посидел немного, собираясь с силами. Наконец, издав звук стравливания воздуха компрессором – вроде как вздохнув, образина поднялся и на автомате пошлепал к сейфу. Открыть удалось не сразу, пришлось еще немного проснуться. Уже раздраженный, но еще не совсем отошедший ото сна свин достал бутылку виски, налил полный стакан, опрокинул в себя, как в унитаз, и только после этого окончательно разлепил мелкие гляделки.

С мордой, на которой отчетливо читалось желание кого – нибудь убить, подошел к ближайшей кровати и пнул со знанием дела в прогнувшуюся сетку. Кто – то охнул.

– Подъем, нежить! Цитрамон, паскуда мелкая, кто кого будить должен? Допляшешься ты у меня, долбоеб сказочный, пуцу в переработку.

Тщедушный мужичонка со впалой грудью и неимоверно выпученными глазами вскочил и начал одеваться, по быстроте облачения он и вправду мог претендовать на титул «сказочный».

– Прости, прости, Ливер, не надо Цитрамона в переработку, он полезный, он верный пес хозяина, завсегда следящий, чтоб главному на его вопрос всегда был правдивый ответ.

Хряк расплылся то ли в улыбке, то ли в оскале, то ли просто хвастался своим поистине впечатляющим жевательным агрегатом, и для остротки заехал слегка в ухо проштрафившемуся.

– Давай – давай, полезный болезный жополиз, пошевеливай мослами, буди бригаду, пересменка уже скоро, а они еще не жравши. Потом поговорим, – плотоядно оскалился Ливер.

– Подъем, потрошители! – фальцетом завопил донельзя напуганный Цитрамон. Свин, зная, на что способен его с утра накрученный подручный, заранее заткнул уши. И верно, при желании подобным ультразвуком можно было и душу от тела отлучить. Зато эффективно, чтобы ты ни делал: спал, не спал или философствовал на горшке – вскочишь и побежишь куда – нибудь за горизонт.

Жилая зона будто взорвалась. Кругом раздавались крики, мат, грохот, летели подушки, одеяла, падали кровати, люди метались, как тараканы, вспрыснутые «Дихлофосом», царили полный хаос и паника. Чудо, что не поубивали друг друга.

Ливер, отбежав к сейфу, трясся всем своим жиром, ржал и плакал в полный голос, иногда переходя на глухое бульканье. Несколько раз шумно втянет воздух, и опять, и по кругу, между тем показывая сыгравшему побудку большой палец, мол, зачет и полная реабилитация, а может, и вовсе премия. В конце концов, хряк отдышался и заорал своей луженой глоткой:

– Хорош, долбoreзы гребаные. Замерли! – И как в детской игре, все будто примерзло, кому охота Ливера послушаться, это равносильно умереть тут же, и

хорошо, если сразу. – Даю вам, дети греха и порока, на все про все сорок минут, кто накосорезит, по кускам отправится в этот морозильник и принесет мне прибыль, – и он с толикой обожания похлопал по крышке морозильного шкафа. – Вы меня знаете. Отомри!

За сорок минут все уложились – и оправились, и поели, и оружие свое еще раз проверили.

– Построились, – посмотрев на часы, гаркнул главарь. – Так, хорошо, надеюсь сегодня от вашей работы получить больше, чем в прошлый раз, долги нужно отдавать, а пока вы больше жрете, пьете и боеприпас попусту жжете. Где жемчуг, спрашиваю я вас, где перлы? Вот ваши сменщики уже пяток черных красавиц набили и даже одну красную. Споранов и гороха у них тоже больше. Предупреждаю, если так и дальше будет продолжаться, я лично всем без исключения унылую пластику лица сделаю, навечно, – и Ливер опять похлопал по крышке большого белого холодильного гроба. – Кто из вас, лохов, агрит тварей и на убой водит? – Руку поднял долговязый рыжий парень. – Дар? – ткнув пальцем – сосиской, спросил свин.

– Быстрый бег и прыжки, погоняло Тушкан.

– Тушкан, значит, – Ливер осклабился. – Да какого же ты хрена, Тушканище гребаное, одно фуфло на убой гонишь? Побегай по городу, пошуми, рискуй, сучонок, иначе и дальше будешь только постных бегунов да спидеров таскать, на кой хрен они нужны нам, и ты вместе с ними? Внял? – Хряк ткнул бедолагу пальцем в грудь. Парня шатнуло.

– Да понял я все, Ливер, постараюсь, – скривившись, потирая ушибленное место, ответил Тушкан.

– То – то, а теперь, сукины дети, марш работать! Удивите меня!

Знало бы это больное на голову и тело воплощение всего дерьма, что может быть в человеке, чем это обернется, – застрелилось бы тут же.

Оружейник с интересом, не отрываясь, смотрел на разыгрываемое, будто фильм про постапокалипсис, многое ему стало понятно, а многое еще больше запуталось.

Эти люди на мониторе больше всего напоминали ему рецидивистов – злые, излишне агрессивные друг к другу, настоящая волчья стая, хотя в среде волков, можно сказать, идиллия и любовь, если сравнить с тем, что Миха видел на записи. Стало понятно, что место, где он очутился, называлось Стиксом, а чудовища имели свою иерархию, видимо, обширную. У всех людей же, как оказалось, здесь были таланты, сверхспособности, дарованные этим миром.

На мониторе появилась пришедшая с крыши смена, уставшие мужики с рыбьими глазами, как роботы, по очереди укладывали свое оружие на длинный стенд около стены. Оружейник не мог почувствовать запах, но представить – вполне, он еще хорошо помнил резкое въедливое амбре затяжного огнестрельного боя, запах пороховых газов, пота и перегретого оружия.

Ливер сидел за столом, механически кидая кости, с толикой разумного опасения поглядывая на спускавшихся с крыши бойцов. Сменившиеся были совсем не тем сбродом, что совсем недавно находился здесь. Эти выглядели как настоящие матерые хищники, выживавшие в Стиксе не по одному году. Эта их сила и уверенность сквозили во всем: во взглядах, в скупости движений, в не улыбчивых лицах. Хладнокровные, жесткие, безжалостные убийцы, в мельчайших деталях знающие свое дело и каким – то боком попавшие в должники к некому Урфину Джюсу, главе стаба Лебязье, отрабатывающие таким экстремальным способом свои долги. Вернее, один попал, легендарный Бедовый, а эти лишенцы за него впряглись – дичь безголовая, как недавно охарактеризовал их Ливер, негромко обсуждавший бригаду с Цитрамоном.

– Хозяин, чую нехорошее, будь осторожен, плохие мысли у этих потрошителей, – прошептал подручный хряку. Михаилу пришлось несколько раз перемотать запись, чтобы разобрать слова, и то больше по губам.

К Ливеру за стол, не спросив разрешения, присел альбинос с белой, даже синеватой, как у мертвеца, кожей, почти бесцветными, как две льдинки, глазами и тремя глубокими шрамами, идущими наискось через все лицо.

С виду живой мертвец, ни слова не говоря, постелил серую плотную рогожку на стол, медленно выложив на нее поочередно затвор от «Корда», масленку, свои любимые кукри[12 - Национальный нож, используемый непальскими гуркхами. Клинок кукри имеет характерный профиль «крыла сокола» с заточкой по вогнутой грани (то есть это нож с обратным изгибом).] и начал любовно чистить

промасленной тряпочкой части крупнокалиберной снайперской винтовки.

– Это он что, так меня пугает? – Ливер посмотрел на кукри, и его холодный пот прошиб: ведь могут на дольки порубить, он даже встать не успеет. Постарался взять себя в руки и как можно хладнокровнее поздоровался: – Привет, Жнец! – Белоголовый даже не посмотрел в его сторону, просто кивнул. – Как отстрел сегодня? – Жнец снова почти незаметно кивнул.

Хряк, видимо, понимая, что от этого типа мало чего добьется, разве что еще пару кивков или, того хуже, усечение головы, загудел недовольно:

– К Тимофею[13 - На уголовном жаргоне – исполнитель смертельного приговора.] вас всех! Кто докладывать будет? Кто добытое сдавать?

Рядом с невозмутимым Жнецом присел еще один воин.

– Молчун, а ты какого здесь? – спросил явно раздраженный Ливер у присевшего. – Ну, чешешь ты языком во сне отменно, заслушаешься, это не дает тебе право в базар встревать.

– Значица, так, Ливер, – уверенно сказал один из волков. – Парни определились наконец с заместителем Бедового. Меня вот наделили полномочиями.

Молчун выложил на стол добычу, которой было необъяснимо много. Ливер ошалело хлопал глазками, не понимая, как вообще это возможно.

– Пипец, потные носки мне в рот. Кого ограбили?

Воин, как хороший игрок в покер, сохраняя полную отрешенность, и бровью не повел:

– Здесь двести восемьдесят грамм узелкового янтаря, триста десять споранов, сахарка девяносто две штуки. И еще вот это. – Он очень осторожно и медленно, будто что – то чрезвычайно хрупкое, выложил на покрытый лаком центр стола две красных жемчужины.

Все взгляды мгновенно устремились к ним, наступила напряженная тишина, в которой отчетливо раздался чей – то шепот:

– Алое сокровище.

Выждав достойную паузу, Молчун продолжил:

– Сафари выдалось удачным. Похоже, где – то рядом идет Орда, нас цепляют только краем, судя по всему, обходят ЛАЭС. Мы думаем, неназываемых боятся потревожить. Начало смены было отвратным. Поначалу мы загрустили, одни топтуны да кусачи в наличии, никакого профита, задолбались ковырять их и в карьер стаскивать. Ко второй половине дня внизу целая стая низших потребителей собралась, и вправду настоящие чайки помоечные, как ты их называешь. А за три часа до конца смены видим – наш загоняющий Ключа, паровоз знатный, за собой двух элитников тянет! – Молчун, хохотнув, указал на кучерявого крепкого парня, мывшегося за спиной. – Сам, как лось на гоне, сквозь бор прется и орет почти так же, талант. Элитники, оба кило под четыреста, за ним в синхроне носорогами мчатся, сосенки по пути срезая, будто и не деревья это вовсе, а обычные одуванчики. Чуть в отдалении еще толпа руберо-наяривает, я стою, смотрю на них и думаю: «Мамочка моя родная, роди меня обратно, а то и вовсе не надо». Хорошо, два заряженных бронебойными «Корда» стояли на треногах, да еще и в нужном направлении. С тысячи уже начали доставать их, сдерживая. Это и спасло нашего Ключа сохатого.

Суровые мужики, обступившие стол, заржали дружно, похлопывая покрасневшего парня.

Глава 6. Урфин Джюс и его деревянные солдаты

Память у людей какая – то не по – хорошему избирательная: лучшее, как прошлогодний снег, без следа тает, забывается, а вот плохое или вовсе ужасное, как ни старайся, ни за что не оставит в покое, будет навещать тебя, как «любимая» теща или «обожжаемый» налоговый инспектор, это уже кому как нравится.

А вот память на архивном винчестере не избирательна, она все фиксирует. Наконец Оружейник нашел, где хранятся данные с внешних камер наблюдения. Ему страсть как хотелось посмотреть бой этих парней.

– Атас! Элита! – заорал Молчун, метнувшись к одному из «Кордов» с оптикой, стал отстреливать короткими очередями, поливая то одну, то другую тварюгу. Оба чудовища кувыркались, если в них попадало, и тут же вскакивали. Лютый визг тварей резал слух, давил на нервы. Бронебойные злые пули неистовыми остроклювыми кувалдами били в тела тварей без жалости, иногда вырывая целые куски их бронированной чешуи с кровавой плотью, ошметками отлетающие от монстров.

Жуткое зрелище, разворачивающееся перед глазами, угнетало. Молчун кричал что – то непонятное и остервенело жал на курок. Кругом стоял оглушающий грохот, страшные, безумные крики людей, перемешанные с неистовым ревом тварей. Боевое безумие вроде отступило, и Молчун срывающимся голосом закричал:

– Братва! «Утесы», бей по силуэтам, не давайте им разогнаться. «Корды» и снайперы, цель – рыло! Руберов не трогаем! – Им повезло, очень повезло, твари держались рядом друг с другом. Когда левый упал и замешкался с подъемом, Молчун скомандовал уже спокойнее: – Правого давим! Давай! – Перенос всего огня на одного элитника дал результат, его завалили первым, а через несколько минут и подранка разделали.

Руберов уже добивали под стенами, с чувством, с толком, с расстановкой. Когда все было кончено, двое из группы спустились на подъемнике и стали потрошить эти наросты на затылках тварей. Зачем – непонятно. Когда вернулись, Оружейнику наконец стало ясно, откуда берутся эти горошины, виноградины и жемчуг.

– Да – а – а... Неожиданный расклад, – высказался Миха и переключился снова на внутреннюю запись.

Молчун посмотрел на хряка, тот замороженно глядел на центр стола, пожирая глазами две жемчужины.

– Слышь, Ливер, с учетом близости Орды мы бы посоветовали твоей конторе зашкериться и посидеть впустую. Этих, – он кивнул на потолок, – надо гнать сверху, а то накуролесят по неопытности чего, потом не расхлебаешь, в компост уйдешь.

– Учту, – прохрипел свинтус и хотел было схватить своей лапищей сокровище, но наткнулся на руку Жнеца. За одно мгновение на морде толстяка отразились жадность и страх, Ливер закашлялся, отдернув ладонь: – Не понял, – просипел главный, поставленный здесь Урфином Джюсом приглядывать за «Мишенью».

– Давай без пены, Ливер, и без понтов. Согласись, мы оговоренное за Бедового еще вчера отбатрачили, а то и позавчера. Да и люди мы не ваши, не подневольные. Хотим разумного: свободы Бедовому и справедливой доли от свехурочного. Ну давай, старшой, иди побухти с паханом своим, – Молчун кивнул на сейф.

– Это... это... – не сразу нашелся с ответом боров в человеческом теле. – Урфин Джюс не любит такого, всех в расход пустит.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Ноль два триста сорок два.

2

Паралич обеих конечностей.

3

«Миротворец», американская тяжелая межконтинентальная баллистическая ракета шахтного базирования.

4

Высокоточные швейцарские станки.

5

Автоматический пистолет Стечкина.

6

Пистолет – пулемет Судаева.

7

Пистолет – пулемет Шпагина.

8

Многоцелевое масло, им смазывают оружие, в том числе деревянный приклад, цевье и кожаные ремни. Обладает антибактериальным, дезинфицирующим эффектом, способствует заживлению ран. Запахом не отпугивает зверя.

9

Фрукт, плод растения семейства мальвовые. Очень полезен, обладает отвратительным запахом, но приятным вкусом, в сочетании с алкоголем опасен для жизни.

10

Страховочный канат.

11

Бозон Хиггса – элементарная частица, квант поля Хиггса, с необходимостью возникающая в Стандартной модели физики элементарных частиц вследствие хиггсовского механизма спонтанного нарушения электрослабой симметрии.

12

Национальный нож, используемый непальскими гуркхами. Клинок кукри имеет характерный профиль «крыла сокола» с заточкой по вогнутой грани (то есть это нож с обратным изгибом).

13

На уголовном жаргоне – исполнитель смертельного приговора.

Купить: https://tellnovel.com/ru/starskiy_valeriy/s-t-i-k-s-zmey

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)